

ЗАСЛУГИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Я никогда не былъ знакомъ съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ; я никогда не видалъ его; я только — одинъ изъ его почитателей и продолжателей. Я не могу предложить вамъ своихъ воспоминаній, своихъ личныхъ впечатлѣній; я принужденъ ограничить свое слово объ Измаилѣ Ивановичѣ характеристикой и оцѣнкой его ученой дѣятельности, какъ я ее понимаю.

Не мало времени протекло между сороковыми годами прошлаго столѣтія и настоящимъ моментомъ; много сдѣлала за протекшія 70 лѣтъ русская наука; тѣмъ не менѣе объ эпохи имѣютъ нѣчто общее.

Въ сороковыхъ годахъ въ Россіи среди образованнаго общества почти не было людей, которые бы хоть что-нибудь знали о славянахъ, кромѣ, конечно, поляковъ; и интереса къ славянству, можно сказать, не существовало. Ученый славяновѣдъ долженъ былъ работать почти что въ пустынѣ, такъ какъ его аудиторія совпадала съ скромной въ высшей степени аудиторіей историко-филологическаго факультета. Онъ долженъ былъ начинать съ азовъ славяновѣдѣнія и сообщать, что за народы — чехи, хорваты, лужичане, сколько ихъ, гдѣ они живутъ и т. п. Несмотря на это, ему приходилось вести борьбу: уже тогда народились въ русскомъ образованномъ обществѣ враги славянства. Они то усматривали страшную политическую опас-

ность въ панславизмъ и славянофильствѣ; то признавали всѣхъ славянъ, кромѣ развѣ поляковъ, за ничтожныя величины, недостойныя вниманія великой Россіи.

Въ сущности то же видимъ мы и теперь, что тогда. Много ли знаетъ нынѣшнее русское общество о славянахъ? Велика ли аудиторія у нынѣшняго славяновѣда? Если у одной части русскаго общества сильны симпатіи къ славянамъ, то другая часть относится къ славянамъ и съ недовѣріемъ, и съ разнообразными опасеніями. Нельзя не отмѣтить, что эта вторая часть, очень слабая, можетъ быть, по числу, — оказываетъ большое вліяніе на наши отношенія къ славянамъ, хотя имѣетъ объ нихъ болѣе чѣмъ ограниченныя свѣдѣнія.

Но семьдесятъ лѣтъ, протекшія между сороковыми годами и настоящимъ днемъ, не прошли даромъ. Мы кое-что сдѣлали; наше знакомство со славянствомъ нѣсколько подвинулось впередъ; уже блеснить надежда на установленіе живыхъ культурныхъ, научныхъ, литературныхъ сношеній между славянами.

Этимъ мы много обязаны Измаилу Ивановичу.

Измаилъ Ивановичъ готовилъ себя къ каѳедрѣ политической экономіи. Онъ сталъ славяновѣдомъ неожиданно для самого себя, не имѣя ни руководителей, ни руководства.

Кто могъ руководить занятіями въ области славяновѣдѣнія въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ?

Русское министерство народнаго просвѣщенія? Но бывший министръ, почтенный Александръ Семеновичъ Шишковъ, былъ только ревностнымъ покровителемъ славянства и энтузіастомъ своего рода, который внушилъ императору Николаю I мысль основать въ русскихъ университетахъ каѳедру славяновѣдѣнія. Его преемникъ,

Уваровъ, былъ лишь исполнителемъ Высочайшей воли. Могъ дать начинающему славяновѣду нѣсколько хорошихъ совѣтовъ Александръ Христофоровичъ Востоковъ; но онъ былъ скромный кабинетный ученый, никогда не бывавшій у славянъ. Могъ дать нѣсколько общихъ указаній Каченовскій, составитель инструкціи для первыхъ нашихъ славяновѣдцовъ.

Болѣе, чѣмъ Россія, сильна была въ области славяновѣднія возрождавшаяся Чехія.

Добровскій уже умеръ. Ганка, при всѣхъ его заслугахъ, не былъ человекомъ науки и не могъ указывать другимъ дороги. Одинъ Шафарикъ въ тогдашнемъ ученomъ мѣрѣ могъ быть полезенъ Измаилу Ивановичу. Онъ, дѣйствительно, былъ ему полезенъ. Онъ былъ единственнымъ тогда знаткомъ славянской этнографіи; онъ былъ ученый съ широкимъ историческимъ образованіемъ и обширнымъ кругозоромъ. Отъ него Измаилъ Ивановичъ могъ попользоваться и совѣтами, и даже матеріаломъ. Шафарикъ, несомнѣнно, оказалъ вліяніе. Первые шаги Измаила Ивановича на поприщѣ славяновѣднія связаны съ знаменитыми «Славянскими Древностями» Шафарика. Они также направлены къ славянскимъ древностямъ. Я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, диссертацию Измаила Ивановича «Святынища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ», 1846 г., доставившую ему, первому въ Россіи, ученую степень доктора славянской филологіи. Но затѣмъ Измаилъ Ивановичъ быстро пошелъ по своей дорогѣ.

Эта дорога была наиболѣе естественною.

Русскій народъ долгое время былъ въ тѣсномъ литературномъ общеніи съ другими славянскими народами и

сумѣть сохранить въ своихъ старыхъ книгахъ многочисленныя и разнообразныя свидѣтельства о культурной, литературной и религіозной жизни славянства. Какъ ни слаба была русская наука, но къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка она уже успѣла заглянуть въ эти книги. Изъ немногихъ трудовъ Востокова и Калайдовича было видно, какое въ нихъ богатство научнаго матеріала. Свѣдѣнія о святыхъ солунскихъ братьяхъ — въ старой русской письменности; обильныя данныя о блестящемъ вѣкѣ болгарскаго царя IX — X вѣка Симеона — въ ней же; произведенія сербскихъ книжныхъ людей XIII — XV вѣковъ — въ ней же; древнѣйшій трудъ на славянскомъ языкѣ, вышедшій изъ подъ пера чеха нач. XI в., — въ ней же; одна изъ статей загадочнаго Фрейзингенскаго памятника тѣсно связана съ однимъ изъ многочисленныхъ поученій стараго русскаго Пролога. Было ясно, что судьбы славянскихъ народовъ на пространствѣ вѣковъ безпрестанно сплетались и что узелъ славянскихъ сплетеній сохранился въ старыхъ русскихъ книгахъ.

Важнымъ казалось то, что было уже найдено; еще болѣе важнаго можно было ожидать отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, когда старая русская письменность будетъ приведена въ полную извѣстность.

Отсюда естественная задача для славяновѣда, если онъ не хочетъ ограничиваться сообщеніемъ свѣдѣній о современныхъ ему славянахъ, но желаетъ проникнуть въ глубь вѣковъ и показать, какъ близки были нѣкогда другъ къ другу и какъ тѣсно были связаны между собою тѣ народы, которые въ половинѣ XIX в. такъ разобщены, которые такъ мало знаютъ другъ о другѣ.

Измаилъ Ивановичъ началъ свою ученую дѣятельность

въ области славяновѣдѣнія въ скромномъ Харьковѣ, бѣдномъ ученымъ матеріаломъ. Ему было бы трудно тамъ работать въ томъ направленіи, въ какомъ онъ началъ. Вѣроятно, онъ сумѣлъ бы приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ, какъ сумѣлъ приспособиться въ Казани Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Но судьба улыбнулась Измаилу Ивановичу: онъ перешелъ въ Петербургскій университетъ.

Петербургъ сороковыхъ годовъ уже имѣлъ Имп. Публичную Библіотеку, хранительницу Остромирова Евангелія. Кромѣ этого драгоценнаго памятника, значеніе котораго было уже опредѣлено Востоковымъ, Публичная Библіотека владѣла собраніемъ русскихъ рукописей графа Ѳ. А. Толстого, южно-славянскими и русскими рукописями Дубровскаго и Фролова. Вскорѣ, въ 1852 г., къ этому рукописному матеріалу прибавилось огромное и цѣнное Погодинское собраніе. Кромѣ Публичной Библіотеки, Петербургъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ могъ пользоваться Румянцевскимъ музеемъ, рукописи котораго тогда были уже описаны и мастерски опредѣлены Востоковымъ. Наконецъ, въ 1859 г., въ Петербургскую Духовную Академію поступили собранія Новгородскаго Софійскаго собора и Кириллова Бѣлозерскаго монастыря.

Измаилъ Ивановичъ, по переселеніи въ Петербургъ, погрузился въ разсмотрѣніе огромнаго рукописнаго матеріала, который былъ ему здѣсь доступенъ. Этотъ матеріалъ пополнялся небольшимъ, но своеобразнымъ собраніемъ сверстника Измаила Ивановича и собрата по занятіямъ славяновѣдѣніемъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ, вывезеннымъ имъ съ Аѳона, изъ Охриды и другихъ мѣстностей Балканскаго полуострова. Григоровичъ охотно дѣлился съ другими своимъ ученымъ достояніемъ.

Конечно, Измаиль Ивановичъ не забывалъ современнаго славянства. Онъ знакомилъ своихъ слушателей съ дѣятельностью Станка Врза, Коллара и другихъ писателей новыхъ славянскихъ литературъ, внимательно слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что появлялось въ этихъ литературахъ; но центромъ его занятій сдѣлались русскія библіотеки.

Что онъ долженъ былъ дѣлать? Ему необходимо было — прежде всего — привести въ извѣстность, что находится въ русскихъ библіотекахъ, что сохранилось намъ отъ старой Россіи и отъ древняго славянства.

Легко сказать: привести въ извѣстность. Даже механически пересматривать сотни рукописныхъ книгъ, одну за другой, дѣло не такое простое, какъ кажется. Но при помощи простого пересмотра трудно что-нибудь получить; нужно больше или меньше разсмотрѣть книгу, прочесть, изучить.

Вслѣдъ за петербургскими рукописными собраніями передъ Измаиломъ Ивановичемъ выступили собранія Москвы, Троицкой Лавры и Новаго Іерусалима. Описаніе Московской Синодальной библіотеки было начато Горскимъ и Невоструевымъ и съ перваго же своего выпуска оказалось важнымъ и цѣннымъ. Затѣмъ Измаиль Ивановичъ побывалъ въ Ярославлѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Кіевѣ и т. д., осматривалъ библіотеки монастырей, церквей, учебныхъ заведеній.

Почти вездѣ, кромѣ рукописей, собранныхъ въ Россіи, Измаилу Ивановичу пришлось встрѣтиться съ рукописями, привезенными съ славянскаго юга — съ собраніями Гильфердинга, Севастьянова, архим. Порфирія и др.

Къ году смерти Измаила Ивановича, къ 1880 году, рукописный матеріалъ доступныхъ ему рукописныхъ со-

браній представлялъ уже цѣлую громаду, гдѣ однихъ древнѣйшихъ книгъ и грамотъ, до XV вѣка, можно было насчитать не менѣе 700, а болѣе позднія книги, до конца XVII вѣка, приходилось считать тысячами. Какъ извѣстно, въ позднѣйшихъ книгахъ сохранилось очень много древнѣйшихъ текстовъ и нѣкоторые изъ нихъ представляютъ выдающуюся цѣнность.

Тѣ изъ насъ, кто идетъ по пути Измаила Ивановича, кто пользуется и его трудами, и всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано при немъ и послѣ него въ наукѣ славяновѣдѣнія, — иногда останавливаются въ недоумѣніи передъ громадою сырого матеріала, не зная, за что браться и съ чего начинать. Послѣ цѣлаго ряда годовъ работы приходится сознаваться въ безсиліи. Но послѣ 1880 года сколько вышло описаній рукописныхъ собраній, сколько издано текстовъ, изслѣдованій, снимковъ!

Измаилъ Ивановичъ занялся приведеніемъ въ извѣстность памятниковъ славянской и русской старины. Его работа была скромная и черная: онъ пересмотрѣлъ огромное число рукописей. Можетъ быть, всѣ рукописи, какія были ему доступны, одна за другой, побывали у него въ рукахъ; во всѣ онъ заглянулъ, многія перелистовалъ, на нѣкоторыхъ болѣе подробно остановился. Обзоръ его былъ бѣглый: онъ работалъ одинъ; сотрудниковъ у него было немного, да и на тѣхъ, кто былъ, не всегда можно было полагаться.

Однимъ изъ помощниковъ былъ большой почитатель Измаила Ивановича, Алексѣй Егоровичъ Викторовъ. Его имя мало кому теперь извѣстно. Но онъ въ свое время много сдѣлалъ для московскихъ библиотекъ. Ему принадлежить первое рукописное описаніе московской Типограф-

ской библиотеки; онъ издалъ описаніе части рукописнаго собранія Ундольскаго, поступившаго въ Румянцевскій Музей; оно было составлено самимъ Ундольскимъ, но Викторъ присоединилъ къ нему цѣнное дополненіе. Викторъ принадлежитъ рядъ другихъ библиографическихъ работъ. Онъ былъ человѣкъ талантливый, въ области научной — свѣдущій и опытный. Если вы возьмете составленное имъ описаніе Типографской библиотеки, вы найдете въ немъ упоминаніе о цѣломъ рядѣ русскихъ списковъ Евангелія, Апостола и другихъ богослужебныхъ книгъ XIV в. Нигдѣ нѣтъ намека, что между этими списками есть хоть одинъ чѣмъ-нибудь выдающійся, по чему-нибудь особенно интересный.

А Измаилъ Ивановичъ открылъ среди нихъ Саввину книгу, памятникъ, какъ извѣстно, древняго церковнославянскаго языка, не моложе XI вѣка, важный и по своему языку, и по своимъ палеографическимъ особенностямъ. Текстъ этого памятника начинается съ 25 листа книги; первые 24 листа книги и послѣдніе 12 — позднѣйшія дополненія, слѣдствіе, такъ сказать, починки книги. Обыкновенно, разсматривалъ рукопись, изслѣдователь прежде всего смотритъ ея начало и ея конецъ; эти части рукописи имѣютъ въ себѣ наиболѣе цѣнный матеріалъ для ея характеристики. Чтобы открыть Саввину книгу, нужно было — прежде всего — просмотрѣть всѣ Евангелія XIV в. Типографской библиотеки, затѣмъ, взявъ въ руки Евангеліе подъ № 15, не только заглянуть въ его начальные и послѣдніе листы, но внимательно перелистовать всю середину книги. Измаилъ Ивановичъ открылъ Саввину книгу. Очевидно, онъ пересмотрѣлъ все собраніе Типографской библиотеки, не обращая вниманія на ея описаніе,

а пересматривая нумеръ за нумеромъ, книгу за книгой. Работа не веселая и въ своемъ родѣ не легкая. Понятны слова Измаила Ивановича во введеніи къ «Древнимъ славянскимъ памятникамъ юсоваго письма» (1868 г.): «всякій пойметъ, какъ должно было обрадовать меня неожиданное открытіе въ Типографской библіотекѣ» (стр. 3). Дѣйствительно, это было событіе въ исторіи славяновѣдѣнія.

Но это открытіе, крупное изъ крупныхъ, далеко не единственное открытіе Измаила Ивановича. Онъ не имѣлъ привычки хвалиться и трубить о томъ, что сдѣлалъ; его скромность была скромностью ученаго, радующагося за науку и совершенно забывающаго о себѣ.

Всѣгда за Саввиною книгою Измаиль Ивановичъ открывъ другой меньшій по величинѣ и только поэтому менѣе важный памятникъ древняго церковно-славянскаго языка. Его владѣлецъ, упомянутый уже выше Ундольскій, не только любитель древнихъ рукописей и ревностный ихъ собиратель, но также педурной знатокъ нѣкоторыхъ отдѣловъ исторіи литературы, очень интересовавшійся и древнѣйшею церковно-славянскою письменностію, не увидѣвъ въ принадлежавшихъ ему двухъ пергаменныхъ листахъ евангельскаго текста ничего важнаго и ограничился постановкою на нихъ № 961. Онъ обратилъ вниманіе только на ихъ странный косой почеркъ. А Измаиль Ивановичъ нашелъ возможнымъ потратить нѣсколько минутъ на прочтеніе этихъ двухъ ничтожныхъ съ виду листовъ и сразу оцѣнилъ ихъ значеніе: «миѣ удалось отмѣнить еще одинъ памятникъ, не менѣе древній», чѣмъ Саввина книга». Такъ охарактеризовалъ онъ Листки Ундольскаго въ «Древнихъ славянскихъ памятникахъ юсоваго письма», стр. 3.

Вслѣдъ за Листками Ундольскаго послѣдовало открытіе не менѣе, если не болѣе важныхъ Кіевскихъ глаголическихъ Отрывковъ. Измаиль Ивановичъ, по случаю археологическаго сѣзда, 3-го по счету, посѣтилъ Кіевъ и заглянулъ въ библіотеку Кіевской Духовной Академіи. Здѣсь оказалось семь небольшихъ пергаменныхъ листковъ, писанныхъ глаголицею, привезенныхъ архим. Антониномъ изъ Іерусалима и подаренныхъ Академіи. Измаиль Ивановичъ прочелъ и немедленно сообщилъ сѣзду объ открытіи большой важности. «Еще недавно, говоритъ онъ, не было на виду никакихъ данныхъ, по которымъ бы можно было судить, что за богослуженіе было у тѣхъ славянъ, которые употребляли въ древнѣйшее время глаголицу для своихъ книгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старо-славянскій языкъ юсоваго оттѣнка... Новое открытіе служитъ доказательствомъ, что къ нимъ проникали и богослужебные обряды церкви западной» (Свѣдѣнія и замѣтки, № LXXVII, 1875 г.). Вновь открытый памятникъ былъ имъ охарактеризованъ какъ римско-католическій миссалъ на древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ.

Я упомянулъ о трехъ открытіяхъ Измаила Ивановича. Это — наиболѣе важныя открытія. Открытіи меньшаго значенія было сдѣлано Измаиломъ Ивановичемъ такое множество, что ихъ трудно перечислить. Онъ первый обратилъ вниманіе на переводы съ греческаго, сдѣланные въ Россіи до-монгольскаго періода; онъ первый оцѣнилъ важность такъ называемыхъ средне-болгарскихъ текстовъ; ему же принадлежитъ честь открытія въ русскихъ спискахъ, иногда позднихъ, ряда древнѣйшихъ церковно-славянскихъ переводовъ.

Выдающееся значеніе русскихъ рукописей для Измаила

Ивановича было вполне ясно. Онъ видѣлъ, что въ нихъ заключаются данныя для исторіи всѣхъ славянскихъ народовъ, для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній, для опредѣленія степени ихъ образованности. Отсюда особенное вниманіе Измаила Ивановича къ русскимъ рукописямъ, къ ихъ письму, къ ихъ словарю, къ ихъ художественнымъ миниатюрамъ.

Не имѣя возможности сдѣлать что-либо для приведенія въ извѣстность всей массы русскихъ рукописей, Измаиль Ивановичъ составилъ списокъ древнѣйшей ихъ части — съ XI по XIV вѣкъ включительно. Этотъ трудъ вышелъ въ свѣтъ подъ именемъ «Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка» (1863 г.). По второму изданію, 1882 г., нельзя судить о первомъ. Тексты и снимки, присоединенные къ списку въ первомъ изданіи и отсутствующіе во второмъ, дѣлають первое изданіе несравненно болѣе цѣннымъ, чѣмъ второе. Тексты, иногда извлеченія изъ большихъ текстовъ, иногда самостоятельныя литературныя произведенія или грамоты, по большей части сохраняють свое значеніе и по-нынѣ, служа матеріаломъ для изученія и литературы, и языка.

Но недостаточно читать древніе тексты; надо ихъ и понимать.

Измаиль Ивановичъ, усердно помогавшій старику Востокову при изданіи его словаря древняго церковно-славянскаго языка, ясно видѣлъ съ одной стороны значеніе такого словаря, съ другой — недостаточность труда Востокова. По способу составленія словарь Востокова (какъ, кстати сказать, всѣ работы Востокова) могъ служить прекраснымъ образцомъ: Востоковъ не опредѣлялъ самъ, по своимъ соображеніямъ, значенія церковно-славянскихъ

словъ, а старался опредѣлить значеніе ихъ посредствомъ сопоставленія переводныхъ церковно-славянскихъ текстовъ съ ихъ греческими оригиналами. Словарь Востокова вошелъ дѣликомъ въ словарь Миклошича. Послѣдній пополнилъ его многочисленными выписками Горскаго и Невоструева (въ ихъ описаніи московской Синодальной библіотеки), извлеченіями сдѣланными Гильфердингомъ и своимъ собственнымъ, въ общемъ незначительнымъ и малоцѣннымъ матеріаломъ. Понятно, словарь Миклошича не могъ удовлетворить Измаила Ивановича. Отсюда его попытка составить свой словарь древняго церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, такъ какъ раздѣлить два эти языка представлялось невозможнымъ. Способъ составленія былъ Измаиломъ Ивановичемъ принятъ Востоковскій, хотя и трудный, требовавшій постоянного сличенія переводныхъ текстовъ съ греческими оригиналами, но дающій важные результаты. Измаиль Ивановичъ не успѣлъ довести его до желанной полноты; собранные имъ «Матеріалы», около того времени, когда исполнилось сто лѣтъ со дня его рожденія, были закончены печатаніемъ благодаря подвижническому усердію Ольги Измаиловны и Всеволода Измаиловича Срезневскихъ. Они составляютъ три большихъ тома.

Кромѣ словарныхъ данныхъ, при изученіи рукописнаго матеріала нужны и данныя палеографическія. Измаиль Ивановичъ потрудился и надъ палеографіей рукописей древнѣйшаго періода, какъ писанныхъ глаголицею, такъ особенно писанныхъ кириллицею, русскихъ XI—XIV вѣковъ. Но и здѣсь ему не удалось исполнить все, что онъ хотѣлъ. Его сборникъ кирилловскихъ снимковъ съ русскихъ рукописей, съ русскихъ грамотъ и надписей, за исключеніемъ

немногихъ, присоединенныхъ къ 1-му изданію «Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка», не увидѣлъ свѣта. Вместе съ нимъ не увидѣли свѣта и палеографическія наблюденія Измаила Ивановича, сообщавшіяся имъ слушателямъ его университетскихъ лекцій, но ими не записанныя; ихъ нѣтъ въ печатномъ, посмертномъ изданіи этихъ лекцій.

Исслѣдователь русской старины часто встрѣчается съ искусствомъ — очень часто съ орнаментомъ, рѣже съ миниатюрою.

Измаилъ Ивановичъ, конечно, не оставилъ безъ вниманія искусства, остановившись на наиболѣе выдающихся по древности рисункахъ — на иллюстраціяхъ къ житію свв. Бориса и Глѣба въ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV вѣка, на изображеніи правнука Мономахова князя Ярослава въ Нередицкой церкви (XII в.), на изображеніи князя (по его мнѣнію, св. Всеволода-Гавріила) въ сочиненіи папы Иннокентія объ антихристѣ (XII — XIII в.), на изображеніяхъ свв. Владимира и Ольги.

Я долженъ бы сказать еще многое — объ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка», объ «Древнихъ глаголическихъ памятникахъ» и др., — но боюсь утомлять ваше вниманіе.

Перехожу къ заключенію.

Измаилъ Ивановичъ обыкновенно уклонялся отъ рѣшенія большихъ вопросовъ, не давалъ выводовъ. Не думаю, чтобы мы имѣли право за это осуждать его или порицать. Имѣя передъ собою подавляющее обиліе сырого, не тронутаго, не только не изученнаго матеріала, развѣ могъ онъ рѣшаться на подведеніе какихъ-либо итоговъ, на какое-либо утвержденіе или отрицаніе въ спорномъ вопросѣ

науки? Въдѣ вполне возможно было, ему ли самому, или кому другому, взявшись за одну изъ многочисленныхъ рукописей XVI в., вдругъ найти въ ней что-нибудь такое, что должно было поколебать утверждение или уничтожить отрицаніе. Даже теперь—когда послѣ кончины Измаила Ивановича прошло уже почти 35 лѣтъ, находки слѣдуютъ одна за другою, иногда важныя для рѣшенія большихъ вопросовъ. А мы за эти 35 лѣтъ въ дѣлѣ приведенія въ извѣстность научнаго матеріала, несомнѣнно, подвинулись впередъ и можемъ уже говорить смѣлѣе, чѣмъ Измаиль Ивановичъ.

Отсюда понятно, почему Измаиль Ивановичъ не желалъ издать новымъ изданіемъ своихъ «Мыслей объ исторіи русскаго языка», 1849 г., хотя при своемъ появленіи въ свѣтъ этотъ его трудъ былъ встрѣченъ общимъ одобреніемъ и потомъ всегда считался цѣннымъ. Измаиль Ивановичъ видѣлъ, какъ много матеріала для исторіи русскаго языка и какъ много нужно положить труда, чтобы хоть что-нибудь добыть...

Измаиль Ивановичъ сдѣлалъ много для русской науки. Мы обязаны принести глубокую благодарность неутомимому труженику и почтить добрымъ словомъ его дѣятельность.

Вѣчная память Измаилу Ивановичу Срезневскому!

А. Соболевскій.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО

И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ПОЭЗІИ ВООБЩЕ.

I.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО.

Духовный обликъ Измаила Ивановича Срезневскаго не можетъ быть полонъ, если мы не обратимъ вниманія на то, какое большое значеніе имѣла въ его внутренней жизни любовь къ поэзіи. Она не была въ немъ только увлеченіемъ юности, какъ у многихъ; она была его душевной потребностью, не прекращавшейся до конца жизни. Ученыя работы, которымъ онъ предавался съ такимъ рвеніемъ и съ такою усидчивостью, не заглушили въ немъ этой любви, годы не ослабили ея. Напротивъ, можно сказать, что съ годами она все возрастала и становилась болѣе глубокой и болѣе чистой.

Слово «поэзія» И. И. понималъ въ чрезвычайно широкомъ смыслѣ. Съ этимъ понятіемъ для него соединялось представленіе и обо всемъ прекрасномъ, возвышающемъ мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ о той силѣ человѣческаго духа, которая воспринимаетъ это прекрасное и вноситъ его въ свои собственныя созданія. Девятнадцатилѣтнимъ юношей записываетъ онъ такое замѣчаніе: «Поэзія — одна, и есть три поэзіи. Поэзія — духъ, поэзія — чувство, оживлен-

ное духомъ, поэзія — выраженіе чувства, оживленнаго духомъ». Позднѣе, въ 1870-хъ годахъ, уже не за много лѣтъ до смерти, онъ пишетъ: «Для меня поэзія — сила чистая, святая, очищающая и освящающая человѣка»...

Прекрасное, разлитое въ природѣ, должно, по словамъ И. И-ча, порождать въ человѣкѣ стремленіе къ поэтическому творчеству. «Не недостатокъ изящнаго въ природѣ произвелъ поэзію и поэтическое творчество», читаемъ мы въ одной изъ его замѣтокъ, — «а напротивъ, изобиліе изящнаго, и тотъ инстинктъ человѣка, который заставляетъ его высказывать всѣ свои внутренніе впечатлѣнія, и соединяется съ какого-то рода боязнью, что другой можетъ не замѣтить красотъ, имъ замѣченныхъ». Эта мысль, записанная Измаиломъ Ивановичемъ какъ общее наблюденіе, не можетъ ли быть понята и какъ наблюденіе надъ самимъ собою?

Потребность поэтического творчества рано проявляется у И. И-ча. Въ самые молодые годы, еще въ пансіонѣ, 9-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже писалъ стихи, которыми однажды привелъ въ изумленіе своихъ воспитателей. Нѣкоторые изъ его повѣстей, рассказовъ, стихотвореній, относящихся къ 1830-мъ годамъ, были помѣщены въ «Украинскомъ Альманахѣ», въ «Московскомъ Наблюдателѣ», въ «Галатѣѣ», «Утренней Звѣздѣ», «Невскомъ Альманахѣ», «Атенѣѣ» и другихъ изданіяхъ; но многое осталось ненапечатаннымъ.

Развившеся въ 30-хъ годахъ во всей Россіи, какъ и повсюду въ Европѣ, увлеченіе народною поэзіей и стариною было по душѣ И. И-чу и онъ отдавался ему со всею своею пылкостью. Во время своихъ путешествій по Украинѣ онъ постоянно всматривался въ жизнь народа, записывалъ преданія и пѣсни, часто съ голоса самихъ пѣвцовъ-бандури-

ство. Ему удавалось записывать пѣсни не только малорусскія: въ Екатеринославской губерніи, гдѣ онъ провелъ нѣкоторое время въ качествѣ учителя въ одной помѣщичьей семьѣ¹⁾, онъ познакомился и съ поэзіей молдаванскихъ поселеній. Это углубленіе въ жизнь и творчество народа естественно отражалось на его собственномъ поэтическомъ настроеніи. Поэтому стихотворенія, написанныя имъ въ то время, представляютъ не только отголоски впечатлѣній его личной жизни, но и подражанія народной пѣснѣ, иногда прямо переводы на великорусское нарѣчіе. Таково одно изъ ненапечатанныхъ стихотвореній «Подражаніе молдавской народной пѣснѣ», написанное въ 1832 г.:

Красавица ласточка,
 Пѣвуня касаточка, —
 Уже мы не свидимся,
 Забудемъ другъ друга мы.
 Не мнѣ твои пѣсенки!
 Не мнѣ тебя слушаться!
 Бывало, чуть солнышко, —
 Летитъ ко мнѣ ласточка,
 Пѣвуня касаточка, —
 Въ оконце свѣтелочки
 Стучитъ своимъ носикомъ.
 Я встану, умоюся,
 Умоюсь, одѣнуся,
 Подяду къ окошечку, —
 А добрая ласточка,
 Пѣвуня касаточка
 Въ подарокъ мнѣ пѣсенку.

¹⁾ Въ семьѣ Подольскихъ, въ ихъ имѣніи Варваровкѣ на берегу Днѣпра.

Такъ утромъ, такъ вечеромъ,
 Такъ въ полдень, такъ полночью, —
 И радостно, сладостно
 Жила я съ касаточкой!
 А нынѣ забыто все:
 Что радости убили,
 Что съ горемъ посваталась,
 Что замужъ я выдана.

Красавица ласточка,
 Пѣвунья касаточка,
 Уже мы не свидимся,
 Забудемъ другъ друга мы!
 Не мнѣ твои пѣсенки,
 Не мнѣ тебя слушаться!

Есть рѣчка, за рѣченькой
 Слободка стоитъ.
 Слободка, что дѣвушка,
 Въ ту рѣчку глядитъ.

Красивы тамъ хижины,
 Всѣхъ краше одна;
 А въ хижинѣ дѣвушка
 Пригожа, умна.

Къ пригожей той дѣвущкѣ
 Лети ты скорѣй!
 Повеѣрь, съ нею согласишься,
 Сестрой будешь ей.

И утромъ, и вечеромъ,
 И въ полдень пой пѣсни ей
 Про счастье дѣвичье, —
 А въ полночь несчастную
 Про злую сторонушку,

Про эту свѣтелочку —
 Какъ худо мнѣ съ мужемъ жить,
 Какъ трудно мнѣ слезы лить,
 Какъ горько жизнь прежнюю,
 Былую, дѣвичью,
 Мнѣ помнить въ замужествѣ!

Позднѣе И. И. перевелъ пѣсню «Віють вітры» изъ
 «Наталки Полтавки» Котляревскаго¹⁾.

Дують вѣтры, дують буйно, и деревья гнутся,
 О, какъ болитъ мое сердце, — и слезы не льются!
 Трачу лѣта въ лютомъ горѣ, и нѣтъ конца горю, —
 Тогда только станетъ легче, какъ наплачусь вволю.
 Слезы-жъ — имъ помочь ли счастьемъ? На мигъ легче будетъ!
 Кто былъ счастливъ хоть часочекъ, по смерти не забудетъ.
 Есть же люди... Завидуютъ и моей долѣ!
 Развѣ-жъ счастлива былинка, выросшая въ полѣ...
 Въ полѣ томъ, песчаномъ полѣ, въ жару, безъ росинки?..
 Тяжко жить безъ милаго — и не сиротинкѣ.
 Гдѣ-жъ ты, милый, чернобровый! гдѣ ты, озовися?
 Я-ль бѣдняжка не горюю! Приди и взглянися.
 И сама-бъ я полетѣла, еслибъ крылья были;
 Ты-бъ увидѣлъ, другъ мой милый, какъ я тутъ изныла.
 И къ кому я приглублюсь, и кто приголубитъ,
 Когда нѣтъ того у сердца, кто бѣдняжку любитъ!

Въ бытность за границей въ 1840-мъ г. И. И. съ особымъ
 вниманіемъ вслушивался въ народныя славянскія пѣсни.
 Въ нѣкоторыхъ сербо-лужицкихъ пѣсняхъ онъ находилъ
 «удивительное сходство съ русскими». Свой переводъ

¹⁾ Напечатана въ журналѣ Галатея 1839 г. ч. 6, № 49, стр. 323—324.

одной изъ такихъ пѣсенъ онъ прислалъ въ письмѣ своей матери вмѣстѣ съ записанными имъ же нотами ея напѣва:

Онъ далъ ей перстень золотой,
И руку бѣлую пожалъ,
И въ ясны очи цѣловалъ.
«Прости и не забудь меня!»
Такъ молвилъ онъ, — и на коня...
«Черезъ три года жди меня!»
Прошли три года, и домой
Всѣ сербы молодцы идутъ
И пѣсни весело поютъ.
И вышла Гальжа ихъ встрѣчать.
«Гдѣ жъ милый мой?» — Га, милый твой —
Въ землѣ остался онъ чужой.
Тамъ, Гальжа, весело ему:
Нашелъ другую Гальжу онъ,
А Гальжѣ нашей шлетъ поклонъ...
Въ могилѣ Гальжа; розы кустъ
На той могилѣ тамъ цвѣтеть
И соловей въ тѣни поеть.

Стихотворенія И. И-ча, въ которыхъ отразились впечатлѣнія его жизни и отголоски его мыслей, сохранились въ бѣльшемъ количествѣ. И. И. не придавалъ имъ никогда значенія и потому ни одно изъ нихъ не было напечатано. Вообще онъ считалъ что «стихи ему не даются» (это его собственныя слова). Но если они и не могутъ быть отмѣчены какъ технически совершенныя произведенія, они важны для насъ и какъ выраженіе его мыслей и чувствъ, и какъ проявленіе того, что эти мысли и чувства стремились выразиться именно въ поэтической формѣ.

Отправляясь въ заграничное путешествіе въ 1839 г., изъ Москвы посылаетъ И. И. своей матери — хорошей пѣнисткѣ и любительницѣ музыки — ноты Листовскаго переложенія «Странника (der Wanderer)» Шуберта и на обложкѣ пишетъ стихи:

Все, чѣмъ душа его живетъ,
Оставитъ странникъ одинокій
И въ миръ чужой, съ тоской, далеко
Отъ милыхъ сердцу понесетъ
Судьбу свою.....
..... Мечтанье
Одушевить надеждой онъ,
Что за разлукою свиданье
Его утѣшитъ, и какъ сонъ
Пройдутъ години испытанья, —
И снова счастливъ будетъ онъ.

Въ томъ же году пишетъ онъ:

Давно тебя, отчизна, я оставилъ,
И грустно мнѣ, и тяжело въ дали чужой.
Кругомъ толпы, но межъ толпами сиротой
Брожу одинъ съ печальною душой...
Въ чужой дали — и рѣдко голосъ милый
Осиротѣлое мнѣ сердце оживитъ,
И то на мигъ, и вновь кругомъ меня звучитъ
Чужая мысль, чужой языкъ. Молчитъ
Душа моя, и думой вольнокрылой
Она къ тебѣ, съ тоской къ тебѣ летитъ.
Она твоя, твой духъ ее взлелѣялъ,
Къ себѣ ее навѣкъ всецѣльно приковалъ,

Твоей рабыней быть Творецъ ее создалъ,
Тебя любить святое право далъ...

Между стихотвореніями П. И-ча обращаетъ на себя вниманіе «Молитва», полная горячей любви къ родинѣ. Она напоминаетъ своею основной мыслью главную идею поэзіи Хомякова. П. И. чтитъ Хомякова какъ поэта и глубоко сочувствовать ему. Въ 1839 г. онъ посылаетъ своей матери въ письмѣ изъ Петербурга списокъ стихотворенія «Орелъ», тогда не дозволеннаго къ печати. «Какъ же вамъ нравятся, милая маменька, эти стихи?» пишетъ онъ. «Не правда ли, хороши? Они—Хомякова, и послѣдняя новость въ литературѣ, тѣмъ болѣе занимательная, что нигдѣ не напечатаны и не будутъ. Царю не угодно было этого позволить. И къ чему? Кто захочетъ ихъ помнить, будетъ помнить; а иначе — «вѣроломные Тевтоны»¹⁾ и Богъ знаетъ что подумаютъ».

Позднѣе П. И. собираетъ въ спискахъ всѣ появившіяся стихотворенія Хомякова, еще не вышедшія въ свѣтъ.

Въ «Молитвѣ» замѣчаемъ мы не только тѣ же мысли, но иногда и тѣ же образы, что у Хомякова: въ ней есть сравненіе Россіи съ орломъ (у Хомякова: «Высоко ты гнѣздо поставилъ, Славянь полунощныхъ Орелъ»); въ ней говорится о великомъ достоинствѣ смиренія, какъ и у Хомякова во многихъ стихотвореніяхъ; есть указаніе и на высокій подвигъ, назначенный Россіи (у Хомякова: «Хранить племень святое братство, любви... и вѣры пламенной богатство, и правду, и безкровный судъ»). Вотъ нѣсколько строфъ изъ «Молитвы»:

О Боже великій, Творецъ милосердный,
Дай силу душою къ Тебѣ вознестись,

¹⁾ Выраженіе, взятое изъ стихотворенія «Орелъ».

Ее освѣти Ты мольбою усердной,
Къ молящейся милости взоромъ склонись!

Подай, Благодатель, Ты дочери славы —
Отчизнѣ — надежду, и крѣпость подай
Великой и правдою грозной державы,
И свѣтомъ Своимъ Ты ей путь озаряй!

.....
О вѣримъ, кто избраннымъ будетъ Тобою,
На подвигъ того самъ Ты въ путь позовешь.

О вѣримъ, что волей Своею благою

И насъ Ты на подвигъ великій ведешь.

Любовью и вѣрой святой примиренье
Враждебныхъ великихъ и малыхъ племенъ,
Смятеній, и буйствъ, и крамоль разрушенье —
Вотъ подвигъ нашъ славный, великій, вотъ онъ!

Его указалъ Ты сынамъ вѣрнымъ славы,

Смираясь, терпѣть Ты имъ долго велѣлъ.

Смираясь, терпѣли, и вотъ нашъ двуглавый,

Тобой окрыленный, ужъ мощно взлетѣлъ.

.....
Взлетѣлъ — и взгремѣло священное слово
«Да любимъ другъ друга!» Взгремѣло оно,
Гордынь и злобъ какъ смерть, и готово
Ихъ мщенье любви и добру за одно.

.....
О Боже всесильный, открой Ты строптивымъ

Ихъ очи и къ правдѣ внуши имъ любовь!

Гнестя себя страхомъ не дай боязливымъ,

Не дай, чтобъ лилась неповинная кровь!

.....
Ужель не настала година святая
Сознанія немощи съ правдой борьбы?

Ужели вражда, противъ насъ занятая
 Не смолкнетъ еще передъ словомъ судьбы?
 Нѣтъ, вижу . . . : восходить надъ бурю черной
 Закона, и правды, и славы заря
 И мирно народы душою покорной
 Услышать велѣнье вселенной Царя.

Любовь къ народу, любовь къ человѣчеству вызывала
 всегда въ И. И-чѣ горячее сочувствіе и глубокое почитаніе.
 Мы видимъ эти чувства въ стихотвореніяхъ, написанныхъ
 въ память Квитки-Основьяненка. Въ нихъ выражаются
 тѣ же мысли, что и въ одушевленной рѣчи, произнесенной
 И. И-чемъ у гроба Квитки (о ней будетъ сказано ниже). Онъ
 изображаетъ въ нихъ глубокочеловѣчныя черты Квитки:

Въ немъ невинный защиту, страдалецъ отраду,
 Бѣдный помощь всегда находить . . .

Особенно останавливаетъ И. И. свое вниманіе и
 сочувствіе на живой и дѣятельной любви Квитки къ украин-
 скому народу. Въ слѣдующихъ восьми строкахъ сжато и
 полно изображенъ обликъ Квитки, какъ «друга народа»:

Народа другъ неизмѣнимый,
 Всю жизнь ему онъ посвятилъ;
 Его судья несоблазнимый
 Его жъ защитникомъ онъ былъ;
 Его любилъ и знать онъ правы
 Его же рѣчью заставлялъ
 Другихъ любить ихъ, — и отдавъ
 Ему же въ даръ вѣнокъ свой — славы.

Любовью къ человѣчеству, состраданіемъ къ обездолен-
 ному вызвано и слѣдующее стихотвореніе, озаглавленное
 «Богъ дастъ»:

Батюшка! Матушка! Ради Христа
 Старцу калѣкъ дайте даянье!
 Буду молиться я Богу за васъ,
 Дастъ онъ сторицею вамъ воздаянье.
 Дайте калѣкъ, слѣпцу старику!
 Богъ не оставитъ васъ, добрые люди!..
 Батюшка! Матушка! — Богъ дастъ, старикъ!
 — Богъ дастъ... спасибо!.. Господь васъ помилуй!..
 Такъ-то богатые люди: знаютъ они
 Милость Всевышняго, Богъ имъ дастъ, —
 Къ Богу они и меня посылають.

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отражаются инныя
 стороны характера И. И-ча. Онъ былъ, особенно въ
 молодости, права живого, общительнаго и легко сходилса съ
 людьми всякаго возраста и положенія; веселый, остроумный
 и изобрѣтательный, онъ становился вездѣ душою общества
 и привлекалъ расположеніе всѣхъ. Нерѣдко приходилось ему,
 по обычаю того времени, писать стихи въ альбомы. Между
 прочимъ сохранилось два его экспромта, написанныхъ во
 время путешествія по славянскимъ землямъ въ 1840 г.;
 одинъ—въ альбомъ молодой дѣвушкѣ-лужичанкѣ, знавшей
 по русски только одно слово «прошу»:

Прошу,
 Своихъ друзей старинныхъ вспоминая,
 И обо мнѣ, Срезневскомъ, вспомнить кой-когда —
 Хоть такъ: «Изъ дальняго былъ странникъ края!»
 Хоть такъ: «Бывалъ намъ странникъ страшень иногда».

Изъ памяти жъ все злое выметая,
 Забыть и обо мнѣ все злое навсегда

Прошу.

Прощу
 Своихъ друзей старинныхъ вспоминать,
 Но обо мнѣ, Срезневскаго, исполнилъ кто-то —
 Тотъ такъ: «Мнѣ давнѣе быть страшнѣе злое»,
 Тотъ такъ: «Бываю какъ крайнѣе суровѣе злое».
 Мнѣ панида въ зное вынесла,
 Забылъ обо мнѣ все зное панида
 Прощу.

Изъ письма И. И. Срезневскаго къ матери изъ Сгорѣльца.

Другой экспромтъ написанъ 12-тилѣтней Теодорѣй,
 дочери Л. Гаупта¹⁾:

Теодора, Теодора!

Сохранишь ли мой листокъ?

Иль, какъ дикаго для взора,

Изъ альбомнаго узора

Вывеешь вонъ ты мой листокъ?

Теодора, Теодора,

Мой листокъ?

Теодора!

«Этотъ пустякъ», пишетъ И. И. въ своемъ письмѣ къ матери, «понравился всѣмъ такъ, что Гауптъ сѣлъ за фортепьяно, сдѣлалъ для этого музыку, — и всѣ стали пѣть по русски, приговаривая, что русскій языкъ очень нѣженъ и звученъ».

И. И. писалъ не только по русски; сохранилось нѣсколько стихотвореній его и на другихъ славянскихъ нарѣчiachъ.

¹⁾ Л. Гауптъ — одинъ изъ дѣятелей сербо-лужицкаго возрожденія.

Одно изъ его украинскихъ стихотвореній, подписанное псевдонимомъ «Антонъ Майко Келеберда зъ Почаёва, пологмарь Богородицькой звоници», было напечатано въ «Молві» въ 1836 г. Это «Думка» о казакѣ Оварѣ — подражаніе балладѣ Жуковского «Громобой». Содержаніе ея то же, что у Жуковского, но всей обстановкѣ и облику героя приданъ малорусскій характеръ; прибавлены и подробности, которыя могутъ имѣть мѣсто только въ Малороссіи. Въ печатный текстъ вошла первая половина баллады, до подписанія договора съ дьяволомъ; въ подлинникѣ же, сохранившемся въ бумагахъ И. И-ча, есть продолженіе, еще восемь строфъ — описаніе богатой жизни Овары послѣ договора, подробность, которой нѣтъ у Жуковского.

И що жъ! Овара княземъ ставъ

Де що въ ёго дому береться.

Усе, що бъ вѣнъ не забажавъ

Такъ до Овары дымомъ дметься.

.....
Овару славлять и пань.

Чи мясойдъ, чи пѣсть — справляе

Имъ бенкеты. И пьють вони,

Йдять вони. Музыка грае,

А паньчи й паньки вразъ

Всю пѣчь до свѣту халандрують,

И пань, хто во шо гараздъ

Про тее-то собі миркують.

Овара заздалечѣхъ всѣхъ

Якъ ридненькихъ удовольняе,

Иде вѣнъ зъ думой до старѣхъ

Павидломъ молодыхъ займае. . .

Кончается «думка» строфой, которая и заключает ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто и заставляетъ ждать продолженія разсказа:

И шо то буде!.. Часъ иде,
Пройдуть и десять лѣтъ небозі...
Чи загремѣть, чи загуде
Дидѣкъ въ Овары на пороzi?..

Во время своего путешествія въ 1839 г. И. И. познакомился въ Галле съ Реппелемъ, бывшимъ въ то время приватъ-доцентомъ университета, впоследствии извѣстнымъ профессоромъ-историкомъ. Уѣзжая, онъ написалъ ему на память трехстишіе:

Ой пішовъ козакъ межъ чужіи люди,
Чи не лучше на чужини якъ межъ своими буде.
Ой шо буде, то и буде, козакъ добра не забуде.

Послѣ они больше не встрѣчались, но у Реппеля сохранилось живое воспоминаніе объ И. И.-чѣ. Онъ всегда берегъ листокъ съ его стихами и въ 1880 г. съ удовольствіемъ разсказывалъ посѣтившему его г. Любовичу о впечатлѣніи, которое произвелъ на него И. И.¹⁾

Освоившись съ чешскимъ языкомъ, И. И. сталъ пробовать писать стихи по чешски. Такъ онъ перевелъ на чешскій малорусскую пѣсню Наталки изъ Наталки Полтавки Котляревскаго — ту же, которую онъ перевелъ и на русскій. Переводъ этотъ не былъ напечатанъ. Въ бумагахъ И. И.-ча сохранился черновикъ его, гдѣ вслѣдъ за пѣсней переведено и начало послѣдующей сцены:

¹⁾ Р. Старина, 1882, июль.

Wěg j wětry, wěg j bugné, až se stromy klátj.
 O, tak mne srdce bolj, že slzy ne kanau.
 Trawj m leta w ljtém hoři, a konce newidj m.
 Tehdaž genom lehčeg bude, když tagmo poplači.
 Ne opravj slza štěstj. . . srdci lehčeg bude.
 Kdo byl šťastným gen hodinu, nikdy nezapomene.
 Gsou pak lidé, genž zawidj osudu mému:
 Zdalíž šťastná ta bylinka co rosté na poli,
 Co na poli, co na pisku bez rosy na slunci.
 Težko žiti bez milého i we vlastnjm kragi
 Kde's ty, milý, černobrwý, kde's ty? Ozwi se,
 Gak zde bjdna hořekugi, přidiž podiwěj se.
 Letěla bych sama k tobě, ale křjdel ne mám,
 Abys' widěl, gak bez tebe hořem ga usychám.
 Ke komu ga se přichylj m, a kdo poholubj
 Gelikož mi toho nenj, kdo mne miluge.

Въ бумагахъ И. И-ча сохранилось одно его позднее стихотвореніе, написанное по сербски. Это—привѣтъ князю черногорскому, по всей вѣроятности, во время его посѣщенія Россіи въ 1868 г. Оно чрезвычайно интересно по выраженнымъ въ немъ мыслямъ:

Бог те живи, господине княже,
 Сјајна главо, огријано сунце
 Прногорскихъ храбријехъ јунака!
 Бог те живи — дома и на путу,
 Међу нама као би и дома!
 Ти нас позна, драги господине,
 Ти оцјени срцемъ племенитомъ,
 Што и как' смо; ти знаш, свјетли княже,
 Што мислимо код себе за себе.

Не позна нас, ко не види, да је
 Бог и правда за нас више свега,
 Да је нама свака правда света,
 Да је нама свако добро драго,
 Што ј'од Бога и по Богу благо; —
 Да не ћемо учинит' неvjере.

Не позна нас, ко не види, да су
 Наша браћа нашем срдцу мила
 Само за то, да смо родна браћа,
 Једне мајке — једне дојилице,
 Једног' оца — једног' благослова; —
 Да не ћемо учинит' неvjере.

Не позна нас, ко не види, да смо
 Вјером стални, да стојимо тврдо
 Срцем врућим и разумом будним
 За све што је нама одвећ драго;
 За част нашу и за вјеру нашу —
 Да не ћемо учинит' неvjере.

Је л' то тако, или тако није,
 Нек ти срце на то одговори.
 И вјерујем, оно одговори:
 Је то тако — за Црногараца!
 Је то тако — за свије Србова'!
 Је то тако — за свије Славјана,
 Ћено влада прави дух Славјански!
 Је то тако — за свак частни народ
 И за сваку душу племениту!

И ће так' је, тамо правда Божја.
 Нек та правда на свијету влада
 И на кривду нек осветом пада!
 Бог те живи и твој славни народ!

Выѣстъ съ этимъ стихотвореніемъ сохранился и переводъ его на русскій языкъ.

Изъ художественныхъ произведеній И. И-ча, написанныхъ прозой, особое вниманіе обращаютъ на себя двѣ повѣсти. Одна изъ нихъ носитъ названіе «*Rhapsodia sonatina*»¹⁾. Ея основная мысль—задача, смыслъ и могущество искусства; и для выраженія этой мысли авторъ создалъ особое сочетаніе трехъ искусствъ — художества слова, живописи и музыки. Образы, въ которыхъ воплотилась идея, взяты имъ изъ міра живописи; форма же — дѣленіе на части, повтореніе частей, повторяемость образовъ, спелъ, выраженій—все это даетъ впечатлѣніе музыкальной рѣчи; самое заглавіе — *Rhapsodia sonatina* — напоминаетъ названія музыкальных формъ. Заглавіе это взято не безъ основанія: «Рапсодія», дѣйствительно, есть рассказъ, въ которомъ повтореніе и разработка мыслей-образовъ имѣетъ сходство съ повтореніемъ и разработкой темъ въ сонатной формѣ.

Небольшое вступленіе, подъ названіемъ «*Introduzione*», также заимствованнымъ изъ музыкальных формъ, начинается двумя эпиграфами — изъ Мандзони «*Gran segreto è la vita e nol comprende che l'ora estrema*» и изъ Кальдерона «*Pues así llegue a saber, que toda la dicha humana en fin pasa como sueño*»²⁾. Въ этомъ вступленіи подъ видомъ бесѣды двухъ и размышленія третьяго, ихъ слушающаго, развивается основная идея. Выражается мысль, что художники

¹⁾ Напечатана въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1837 г. ч. XI, стр. 21—75.

²⁾ И. И. постоянно изучалъ иностранные языки. Въ продолженіе времени, проведеннаго имъ въ Варшавѣ, съ помощью книгъ, взятыхъ съ собою изъ Харькова, онъ выучился по англійски и по испански и для упражненія въ послѣднемъ языкѣ переводилъ стихами драмы Кальдерона. Эти переводы не сохранились.

рѣдко бываютъ счастливы, ремесленники же почти всегда; потому что въ сердцѣ художника есть всегда хоть одно желаніе неисполнимое, а у ремесленника или нѣтъ никакихъ, или всѣ исполнимы. Художникъ можетъ быть счастливъ иногда только въ забытіи, его недостойномъ, «въ привольѣ ремесленныхъ удачъ и успѣховъ. Жить хорошо — душа и заснула, какъ покинутая сиротка. Погоди, проснется: что-то скажетъ художникъ тогда? Плоть мѣряетъ время днями, а душа вѣчностью; что-то скажетъ художникъ тогда, когда душа замолвить слово о вѣчности, а у него впереди только дни, только дни — и тѣхъ мало?»... «Если... печаянно, неожиданно отлетающая душа остановить твой легкій путь и желѣзнымъ перстомъ укажетъ на пройденную дорогу, и потребуетъ рѣшенія вопроса о жизни! Что будетъ тогда съ тобою, бѣдный человѣкъ?»... А ты считалъ себя самымъ счастливымъ, самымъ лучшимъ изъ людей, и свою жизнь самою счастливою и самою лучшею; и живя такъ, чувствовать въ себѣ великое призваніе, и жилъ такъ, будто исполняя это призваніе!»...

Послѣ вступленія, оканчивающагося, какъ въ музыкальной формѣ, словомъ Fine, идетъ разсказъ.

Болонскій ювелиръ Франческо Франчя знаменитъ по всей Италіи. Всѣ прославляютъ его искусство и онъ гордится своею славой. Микель Анджело, получивъ отъ него заказанную имъ раму для картины, пишетъ ему: Дивлюсь твоему генію, если только попалъ онъ на дорогу, ему предназначенную. Эти слова великаго художника зарождаютъ въ душѣ Франчя мысль бросить мастерство ювелира и сдѣлаться живописцемъ. Въ короткое время ему удается вполне овладѣть техникой живописи. Онъ уже пишетъ портреты, образа, его осаждаютъ заказы, онъ становится

извѣстнымъ въ мірѣ художниковъ. Знаменитые живописцы относятся къ нему съ уваженіемъ, Рафаель проситъ его совѣта относительно картины, заказанной ему Болоньей, проситъ его исправить недостатки ея. Франчя славенъ, гордъ и счастливъ. Но въ глубинѣ души его лежитъ, хотя почти заглухшее, сознаніе своего безсилія въ достиженіи идеала. Это сознаніе пробудилось въ немъ однажды, когда онъ увидѣлъ картину молодого живописца Леньяни, слабаго въ дѣлѣ искусства и изнемогающаго отъ чувства своей слабости. На картинѣ былъ изображенъ художникъ, упавшій замертво передъ образомъ, произведеніемъ гениальнаго мастера. Франчя внезапно угадалъ мысль, которую хотѣлъ выразить Леньяни.

«Онъ мертвъ! онъ мертвъ! — вскричать (наконецъ) Франчя, указывая на распростертаго живописца и судорожно сжимая руку Джулья. — Онъ умеръ отъ сознанія слабости своей души, своихъ дарованій предъ всеисильнымъ величіемъ гениа живописи; онъ умеръ, убитый своей собственною славой, которою столько гордился, не понимая, что есть слава высшая. Одинъ взглядъ на святой ликъ поразилъ его. Онъ мертвъ!» . .

И вотъ снова пробуждается это сознаніе. Получена картина Рафаеля, — написанный имъ по заказу города Болоньи образъ святой Чечилии; его приносятъ Франчѣ. Жена Франчи, ища мужа, идетъ въ мастерскую.

«Чего же такъ испугалась Катарина? Она бѣжитъ въ мастерскую, вглядывается . . . Образъ святой Чечилии . . . толпа испуганныхъ учениковъ . . . Она . . . бросилась въ толпу, поднявши руки къ небу . . . Ея Франческо лежалъ мертвый передъ образомъ святой Чечилии. Онъ лежалъ мертвый. Одинъ взглядъ на святой ликъ поразилъ его:

одинъ мигъ возвратилъ въ его душу сознание слабости своей, своихъ дарованій передъ всеильнымъ величьемъ генія живописи, — и онъ палъ подъ бременемъ своего безсилія, убитый собственной своей славой, которою столько гордился, не понимая, что есть слава высшая» . . .

Слова «*da capo al fine*» показываютъ, что для заключенія разсказа должно возвратиться опять къ вступленію, выражающему основную мысль.

Замѣчательно, что когда И. И. писалъ эту повѣсть, онъ еще не былъ знакомъ съ знаменитыми произведеніями живописи; зналъ о Рафаелѣ и о Франччи только по книгамъ; читалъ, конечно, что есть преданіе, будто Франчча умеръ, пораженный образомъ св. Чечиліи, и что нѣкоторые объясняютъ это завистью его къ Рафаелю. И. И. понималъ Франччу иначе. Онъ почувствовалъ, что были высоки и чисты стремленія Франччи, сознававшего все ничтожество своего таланта передъ могуществомъ духовной силы Рафаеля. Когда много лѣтъ спустя И. И. ознакомился съ подлинными художественными произведеніями многихъ странъ и вѣковъ, когда онъ вдумался въ картины Франччи и Рафаеля, ему пріятно было возвращаться мыслію къ своимъ молодымъ годамъ и вспоминать, какъ тогда чуть подсказало ему, что именно въ образахъ этихъ двухъ художниковъ можетъ воплотиться дорогая ему идея о высокомъ значеніи и могуществѣ искусства.

Другая повѣсть И. И-ча «Майоръ, майоръ!» совершенно иного характера¹⁾. Она относится къ жизни Григорія Савича Сквороды. Образъ этого украинскаго философа всегда привлекалъ къ себѣ вниманіе И. И-ча. Въ «Утренней

¹⁾ Напечатана въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г. ч. 6, стр. 203—238, 435—468, 721—736.

звѣздѣ» 1833 г. были напечатаны его «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ». Въ бумагахъ его есть нѣсколько относящихся къ 1834 г. отрывочныхъ рассказовъ, описывающихъ жизнь и характеръ Сковороды: «Воспоминанія стариковъ и старушекъ о Григоріи Савичѣ Сковородѣ» и «Рассказы инока Симеона Азарянскаго». Последняя рукопись была приготовлена къ печати и одобрена цензурой — цензоромъ Мих. Каченовскимъ. Просмотрѣнный и подписанный цензоромъ списокъ ея, къ сожалѣнію не весь сохранившійся — изъ восьми рассказовъ осталось только три — находится въ архивѣ И. И-ча. Въ сохранившейся части есть и зачеркнутая цензоромъ, не допущенная къ печати глава о чудѣ съ иконой.

Повѣсть «Майоръ, майоръ» начинается вступленіемъ, въ которомъ въ немногихъ чертахъ дается изображеніе Сковороды.

«Странный человѣкъ былъ Григорій Савичъ. Былъ онъ когда-то сиротой и бѣжалъ отъ родныхъ; то былъ первый его побѣгъ, первая попытка страсти странствовать, попытка малютки. Былъ онъ потомъ придворнымъ пѣвчимъ, облаканъ милостію императрицы Елисаветы; но испросилъ себѣ отставку отъ этого званія въ надеждѣ на свободу учиться. Учился; но когда вздумали его склонять къ монашеской жизни и рясѣ, онъ сумѣлъ тогда притвориться сумасшедшимъ и пересталъ учиться. Отказавшись отъ рясы, съ восторгомъ надѣлъ онъ стихарь дячка грекороссійской церкви въ Оффенѣ, и только для того, чтобъ убѣжать изъ Оффена и постранствовать на свободѣ по Европѣ. Бѣглымъ дячкомъ исходилъ онъ Венгрію, Австрію, Сѣверную Италію и Грецію: былъ же въ половинѣ XVIII вѣка, былъ на Руси дячокъ бѣглый и нищій, желавшій узнать Европу

Послѣсловіе.

А разсказавъ вамъ Тригорію Савичу
Сквородъ вѣрно припомню. Очень не
мудрено, что многое и забылъ: вспомню
въ свое время.

Если я вамъ не понравилъ своихъ Бѣданъ-
силь, то милости просимъ ко мнѣ въ
Азаркѣ и опять. Да здравствуетъ. А
теперь прощайте! Миръ вамъ.

~~Симеонъ~~ Симеонъ.
Азаркѣ.

Давидъ 10^е 1892 года.

Азаркѣ.

Каченовский

Разсказы шюка Симеона Азарянскаго (автографъ И. П. Срезневскаго) и разрѣшеніе
печатать М. Т. Каченовскаго.

и европейцевъ, и случилось же быть имъ Григорію Савичу. Потомъ пришелъ Григорій Савичъ въ Харьковъ—навсегда, и убѣжалъ изъ Харькова, куда глаза глядѣли, послѣ первой проповѣди. Въ сѣрой свиткѣ, въ чоботахъ, съ котомкою на плечѣ, съ палкою-журавлемъ въ рукѣ, съ флейтою-самодѣлкой въ другой, началъ онъ бродить. Бродить любилъ Григорій Савичъ, а котомка не тягость плечу, когда въ ней патенты на авторскую славу: въ котомкѣ же Григорія Савича бывало ихъ не мало и богословскихъ, и философскихъ, и поэтическихъ, и музыкальных. Странный человекъ былъ Григорій Савичъ!

«И посмотрѣли-бы вы на этого странника. Сухой, блѣдный, длинный; губы изжелкли, будто истерлись; глаза блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная; но тутъ же, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и чудная гримаса, и чудная ужимка. И послушали-бъ вы его. Началъ онъ говорить,—говорить умѣть и любить, и говорить иногда какъ добрый украинецъ; за то умѣть и подурочить другихъ. . . Но онъ добръ, и честенъ, и прямодушенъ.

«И бродить онъ, не зная крайнихъ нуждъ, не понимая другихъ, бродить — переходомъ откуда нибудь, куда нибудь».

Далѣе идетъ рассказъ о томъ, какъ однажды этотъ странникъ, поселившись на нѣкоторое время въ одномъ мѣстечкѣ и заслуживъ общую любовь и своими разсказами и своимъ умѣньемъ лѣчить больныхъ, чуть не женился на молодой дѣвушкѣ, которая его полюбила и къ которой онъ самъ почувствовалъ нѣжную привязанность. Отецъ молодой дѣвушки, майоръ Павелъ Леонтьевичъ, котораго

всѣ въ околodкѣ называли просто майоромъ, хотѣлъ устроить судьбу дочери и радовался, что она полюбила такого хорошаго человѣка. Онъ всякими способами старался привести дѣло къ свадьбѣ. Сковорода, хотъ и чувствовалъ себя только Божьимъ слугою и слугою всего человѣчества, вѣчнымъ странникомъ и «старцемъ» какъ онъ себя называлъ, хотъ не мечталъ о другой радости, какъ о томъ, чтобы вникать въ тайны природы и человѣческаго существа, и не допускать возможности связать свою свободу семейными обязанностями, все же наконецъ далъ уговорить себя. Свадьба была назначена, женихъ и невѣста уже въ церкви... Но когда священникъ обратился къ нимъ съ обычнымъ вопросомъ: По доброй-ли волѣ соединяете вы руки свои?

«Григорій Савичъ вздрогнулъ и вырвалъ свою руку изъ рукъ священника.

«Онъ бѣжитъ къ алтарю, онъ преклоняетъ колѣна предъ царскими вратами. Слышны слова его:

«Господи! Я, азъ грѣшникъ предъ лицомъ твоимъ! Помилуй мя! И стоны вырывались изъ воздымающей груди его.

«А Лѣня? А майоръ?

«Невѣста должна была упасть въ обморокъ: такъ по крайней мѣрѣ кажется; майоръ долженъ былъ выйти изъ себя: такъ по крайней мѣрѣ кажется. И, можетъ быть, такъ это бы было; но все это можетъ быть, а вѣрнаго никто не знаетъ».

«Вѣрно только то, что Григорій Савичъ скрылся изъ храма — и никто никогда не видалъ его въ тѣхъ мѣстахъ».

Судьба Лѣни все таки потомъ устроилась: она вышла за мужъ за хорошаго, добраго и богатаго человѣка. Свадьба

праздновалась въ Харьковѣ. Григорій Савичъ былъ тогда также въ Харьковѣ и присутствовалъ при вѣнчальномъ обрядѣ. Онъ молился о счастья Лѣни и молитва его была услышана. Но майоръ никогда не могъ простить его.

«Майоръ почиталъ въ себѣ достоинствомъ бранить Григорія Савича, какъ человѣка, у котораго нѣтъ и не бывало не только сердечнаго желанья, но и умѣнья хранить данное слово; онъ никакъ не хотѣлъ видѣть въ поступкѣ Григорія Савича души возвышенной, сердца чувствительнаго, благородства и мужества. Майоръ, майоръ!»

Изъ этихъ послѣднихъ словъ понятно, что оригинальное названіе повѣсти есть полное грустнаго упрека восклицаніе, обращенное къ майору.

Какъ видно по этимъ выпискамъ, рассказъ ведется въ тонѣ то простодушно-шутливомъ, то задумчивомъ, который такъ подходитъ къ малорусскому характеру и который впоследствии былъ такъ удачно примѣненъ въ разсказахъ Марка Вовчка и Кохановской.

Въ зрѣлые годы И. И., поглощенный научными трудами, не отдавалъ своего времени писанію художественныхъ произведеній. И все же иногда душевныя переживанія его отражались въ поэтическихъ формахъ и образахъ. Но это было не для другихъ, а только для самого себя. Никто даже изъ близкихъ не зналъ, что его мысли и чувства изливались въ поэзіи, и только послѣ его смерти при разборѣ бумагъ его нашлось нѣсколько его импровизацій въ стихахъ и прозѣ. Эти чувства и мысли лежали можетъ быть слишкомъ глубоко въ душѣ, слишкомъ дороги были образы, въ которыхъ они проявлялись, чтобъ раскрывать ихъ передъ кѣмъ бы то ни было...

Въ одномъ изъ этихъ стихотвореній, относящемся, какъ кажется, къ 1850-мъ годамъ, отражается глубокая горестъ при мысли о разладѣ въ духовной жизни Россіи:

Больна ты, Русь! Твои страданья
Я вижу изъ очей твоихъ:
Полны отваги и желанья,
Но гдѣ же блескъ бывалый ихъ!
И грудь твоя крѣпка; высоко
И гордо поднялась она,
Но дышетъ трудно и глубоко,
Недугомъ злымъ отягчена.
И мышцы буйныя могучи, —
Видать, чѣмъ въ силахъ ты владѣть,
Но въ жилахъ будто ядъ кипучій...

.....
Не въ силахъ ты владѣть собою,
Не въ силахъ подавить недугъ,
И на призывъ судьбы — мольбою
«Да мимоидетъ» мучишь духъ.
Была врагамъ, друзьямъ грозна ты,
И вотъ — грозна себѣ самой,
Боишься силъ своихъ растраты
Въ борьбѣ святой и роковой.
Больна ты, Русь! Какимъ недугомъ?
Заражена? Отравлена?
Врагомъ ли лютымъ? или другомъ?
Друзьями жъ ты окружена,
И вѣришь имъ такъ простодушно,
Такъ полносердо, что предать
Себя готова благодушно
Ихъ волѣ, будто дѣтямъ мать...

Автографъ Н. Н. Срезневскаго.

Не страшны намъ идей заразы,
Не отравить имъ нашихъ думъ:
Мы вѣримъ крѣпко въ силу фразы
И ужъ отвыкли вѣрить въ умъ.
На что намъ умъ? На что слѣпая
Въ душѣ и въ дѣлѣ правота?
На что идеи? формы зная,
Мы знаемъ, что онѣ мечта.
Мечта не формы, а идеи,
Мечта злоудредная подъ часъ,
Ума разслабшаго затѣя...

Въ слѣдующемъ отрывкѣ слышится печальное чувство
живой души, стѣсненной въ сухой, безстрастной средѣ:

Не вѣсть судьбы одиѣ даны...
 Вы простодушно равнодушны,
 Приличій прихотямъ послушны,
 Безстрастны, мирны и умны.
 Безъ удивленій и волненій,
 Безъ суевѣрій и сомнѣній,
 Вы жить счастливо рождены.
 А вотъ иной съ душой тревожной,
 Все недовольный самъ собой,
 Какъ нищій съ бѣдною сумой
 За милостынею ничтожной,
 Маячить по свѣту весь вѣкъ
 За чувствомъ сердца не подложнымъ, —
 И остается вѣкъ ничтожнымъ,
 Между людьми не человѣкъ.
 Найдеть ли, гдѣ бы пріютили
 Его бѣднягу сироту,
 И жизни мертвенной мечту
 Въ живую жизнь преобразили?

Это стихотвореніе сохранилось въ двухъ вариантахъ.
 Характеръ второго варианта болѣе спокойный: въ немъ
 отсутствуютъ послѣднія четыре строки, начало же ведено
 въ третьемъ лицѣ.

А вотъ глубоко-трогательный отрывокъ, отголосокъ
 дорогой ему семейной жизни:

«Вѣдь ужъ поздно, очень поздно, милое мое дитя!
 Отчего же не спишь ты? Надо спать. Ну мы походимъ съ
 тобою. Прильни ко мнѣ покрѣпче, обними мнѣ шею своею
 ручкой. Вотъ такъ. И не плачь, не пиши. Мамочка наша
 спитъ. Ей надо заснуть, чтобы къ утру быть здоровою,
 веселою. И тебѣ заснуть надо, чтобы къ утру быть здоро-

вымъ, веселымъ, чтобы насъ порадовать собою. Спи же, дружокъ мой! а я тебѣ стану рассказывать сказочку про маленькую козочку и про маленькаго мальчика. Козочка по полю гуляла, травку щипала, а маленькій мальчикъ смотрѣлъ за нею, чтобы она не далеко зашла, чтобы не заблудилась, чтобы ее никто не обидѣлъ. Насталъ вечеръ; козочка съ мальчикомъ домой пришли. Мальчикъ постлалъ ей постельку, уложилъ ее, приласкалъ ее, заплѣлъ ей пѣсенку: О-о-о, моя миленькая козочка. Спи да думай, гдѣ бѣгала гуляла, гдѣ травку щипала, какъ домой пришла, на постельку легла. О-о-о, моя козочка, о-о-о, моя милая. И я засну, о-о-о засну, къ тебѣ прилѣзну, не тронуся. . .

«И онъ ходилъ съ своимъ сокровищемъ, обнявъ и под-держивая его обѣими руками, прилѣзнувъ щекой къ его шеѣ, ходилъ и напѣвалъ, прислушиваясь къ дыханью дитяти. А когда оно стало засыпать, онъ сталъ по немногу спускать его на лѣвую руку ниже и ниже, поддерживая правою. И спустилъ его такъ, что дитя легло у него на рукѣ. И все ходилъ еще, но все тише и тише. И сѣлъ. И сказочка все продолжалась, только все тише и тише. Дитя уже крѣпко спало, можно бы его было и на постель отнести; но ему хорошо было съ дитяткомъ своимъ, ему жаль было разстаться съ нимъ, и онъ увѣрялъ себя: «Какъ же отнести его на постель, не равно вдругъ проснется и разбудить свою мамочку-кормилицу, а ей нужно спать, чтобъ быть здоровою, веселою. Она вѣритъ мнѣ, какъ и я ей вѣрю: она не будетъ беспокоиться, что дитя ея на рукахъ у меня, и будетъ покойно спать, и проснется утромъ какъ свѣтлое утро». Онъ былъ счастливъ, и какъ еще счастливъ. Былъ счастливъ долго, долго, безъ конца».

Въ 1869 г. судьба свела И. И-ча съ однимъ изъ его университетскихъ товарищей, А. А. Макаровымъ, съ которымъ онъ не видался съ самой студенческой скамьи. Въ университетѣ они, кажется, не были особенно близки, но воспоминанія юности были дороги имъ обоимъ и между ними завязалась дружеская душевная переписка. Понятіе о ней даютъ письма Макарова, сохранившіеся въ архивѣ И. И-ча. Макаровъ былъ большимъ любителемъ поэзіи и въ письмахъ часто пересыпалъ свою рѣчь и цитатами и стихами собственнаго сочиненія. Повидимому И. И. также нерѣдко отвѣчалъ ему стихами, вспоминая обычай юношескихъ лѣтъ. Въ его бумагахъ уцѣлѣлъ одинъ черновикъ маленькаго полу-шутливаго стихотворенія, обозначеннаго 28 апр. 1872 г. Стихотвореніе это интересно тѣмъ, что во всѣхъ его двѣнадцати строкахъ повторяются тѣ же самыя двѣ рѣшмы.

Ты ли, мой другъ это? Милый мой, ты-ли?

Да и мастеръ какой! ну, вивать!

Ну такъ созвучія, знать, и тебя полонили!

И тебѣ они духъ кипятятъ!

Мы ли съ тобой это? Боже мой, мы ли?

Вѣдь и мнѣ и тебѣ шестьдесятъ.

.....

Къ сожалѣнію судьба писемъ И. И-ча къ Макарову совершенно неизвѣстна. А они могли бы быть важнымъ матеріаломъ для его характеристики, такъ какъ, судя по отвѣтамъ Макарова, И. И. писалъ ему откровенно о многомъ...

Глубокимъ чувствомъ и поэтическимъ настроеніемъ проникнуты рѣчи, которыя И. И. произносилъ при многихъ торжественныхъ случаяхъ. Отмѣтимъ его рѣчь надъ мо-

гилой Г. О. Квитки-Основьяненка, надъ гробомъ гр. Головкина, надъ могилой А. Х. Востокова, на торжествѣ празднованія пятидесятилѣтія Харьковскаго университета, при открытіи археологическаго съѣзда и особенно замѣчательную рѣчь въ день столѣтія смерти Ломоносова.

Рѣчь въ память Квитки была напечатана много лѣтъ спустя послѣ смерти И. И-ча въ Русской Старинѣ (1893, т. 79, № 8, стр. 388—390). Все же, кажется, не лишне будетъ привести здѣсь отрывокъ изъ нея.

... «Подумаемъ ли о народѣ, о томъ, какъ важно для блага общаго распространеніе въ немъ истинъ вѣры и науки, правилъ мысли и жизни, — и вспомнимъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ Украинѣ сталъ думать объ этомъ, старался всѣми силами содѣйствовать этому, участвовать и въ открытіи народныхъ училищъ, жертвовалъ и трудомъ, и имуществомъ для заведенія народной бібліотеки, самъ брался за перо и писалъ для народа живымъ народнымъ языкомъ такъ, что заставлялъ и глубоко чувствовать, и глубоко задумываться самаго простого селянина, не понимавшаго дотошнѣ силы слова.

... «Взойдемъ ли въ одно изъ нашихъ святилищъ закона и правосудія, — и вспомнимъ, что и онъ прежде предсѣдалъ тамъ, оживленный любовью къ отечеству, любовью къ людямъ, любовью къ правдѣ, — ни разу не обвинилъ невиннаго, не разъ облегчалъ судьбу виновнаго, или хотя пролилъ надъ нимъ слезу сожалѣнія, — судилъ, возносился душою къ Подателю святыхъ совѣтовъ.

«Не забудемъ ни о сиротахъ, имъ призрѣнныхъ, ни о бѣдныхъ, имъ облагодѣтельствованныхъ, ни о страдальцахъ, имъ утѣшенныхъ. . . Жизнь его вся была служеніемъ Богу и отчизнѣ.

«Этого ли мало, чтобы помнить покойнаго, чтобы чтить и благословлять его память, чтобы преклоняться передъ могилой его, этимъ общимъ нашимъ достояніемъ, къ которому сходиться будемъ, какъ сходились къ живому за мыслію и утѣшеніемъ...».

Этотъ отрывокъ рѣчи, сказанной въ 1843 г. надъ гробомъ Квитки, можно дополнить словами изъ письма И. И-ча Н. И. Костомарову, прочитаннаго на торжественномъ обѣдѣ въ день столѣтней годовщины рожденія Квитки, въ ноябрѣ 1878 г.

«Жизнь Квитки Основьяненка, какъ человѣка и какъ писателя, лилась однимъ русломъ и тою же чистой волной любви къ человѣку, къ родинѣ и къ отечеству, къ просвѣщенію, правдѣ и всякому добру. Если бы изъ среды такихъ общественныхъ дѣателей, какимъ былъ онъ, являлось у насъ болѣе писателей, и если бы изъ среды такихъ писателей являлось у насъ болѣе общественныхъ дѣателей, то всѣмъ бы жило лучше, покойнѣе и полнѣе¹⁾».

Въ 1855 г. праздновалось пятидесятилѣтіе Харьковскаго университета. И въ Петербургѣ, гдѣ жило много бывшихъ харьковскихъ студентовъ, было по этому случаю торжественное собраніе и обѣдъ, на которомъ И. И. сказалъ одушевленную рѣчь.

.. «Конечно, мы ни себѣ, ни другимъ», говоритъ онъ въ этой рѣчи, «не простимъ нерадѣнія къ добру, — но тѣмъ глубже въ сердца нашемъ *память* добра, та память добра, которая, не гоняясь за блудячими огнями, за блестящими, за эффектами, защищаетъ отъ забвенія все истинно-честное, благотворное. Правда о злѣ необходима,

¹⁾ Р. Старина 1893 т. 79, № 8, стр. 390—392.

но ея одной мало: она еще не влечетъ къ добру, Богъ вѣсть—истребляетъ ли и зло. А *правдивая память добра*—о, она навѣрно влечетъ только къ добру, живитъ общую любовь къ нему, возбуждаетъ соревнованіе, развиваетъ силы, вызываетъ на жертвы. Дай Богъ намъ побольше памяти добра. Вспомнимъ ею и мы, что сдѣлано нашимъ университетомъ.

... «Можетъ быть и многія искры священнаго пламени знанія и мысли потухали въ немъ самомъ безъ передачи, и многія были тушими, или гасли въ рукахъ принимавшихъ. Но гасли только случайно отдѣльныя искры его, а не пламя. Поколѣнія наставниковъ и питомцевъ одно другому завѣщевало беречь его, и оно, святое, горѣло чисто, непомерцаемо. Гасли искры, но многія изъ нихъ, казалось, потухшія, изъ подъ пепла выбивали свой огонь, и онъ вновь разгорался.

«Горитъ оно, это святое пламя, въ каждомъ изъ насъ своею теплою, свѣтлою искрой. Не оно ли соединило насъ и теперь въ одну братскую семью?

«Въ сіяніи свѣта нельзя видѣть ничего кромѣ свѣта. Въ свѣтѣ добра — одно добро. И въ нашемъ прошломъ его много, много!»

Богатая по содержанію и сжатая по выраженію мыслей рѣчь надъ гробомъ Востокова проникнута глубокимъ чувствомъ почитанія и любви къ усопшему, которыми было полно сердце П. И-ча. Вотъ она въ нѣсколькихъ отрывкахъ:

«Давно уже не раскрывалась въ землѣ русской могила для принятія останковъ такого дѣятеля науки, какимъ былъ нами теперь утраченный Востоковъ. Мы у гроба вожатая науки слова въ славяниствѣ, у гроба основателя,

патріарха славянської філології. Вь початкових трудахъ его тотъ, кто до него сосредоточивалъ вь себѣ всю эту область знаній, незабвенный Добровскій, увидѣлъ зарю новаго свѣта, затмившую то, что прежде казалось ему свѣтомъ. Высшіе представители славянской научной дѣятельности послѣ Добровскаго... признавъ себя учениками Востокова, дорожили каждымъ его словомъ... И могло ли быть иначе, когда онъ, Востоковъ, первый вскрылъ законы древняго строя и состава языка славянъ, первый далъ этой отрасли знаній твердое научное значеніе... Не такъ замѣтна для большинства, но не менѣ важна его другая заслуга, заслуга для тѣхъ, кто хотѣтъ трудиться на нивѣ науки и ищуть образцовъ для предпринимаемыхъ ими работъ: каждый трудъ Востокова есть такой образецъ...

... «Чувство признательности къ великимъ заслугамъ усопшаго само изъ себя вырождаеть чувство скорби объ утратѣ его, и слеза невольно падаетъ на этотъ прахъ, какъ будто бы съ нимъ должно сойти въ могилу все, что дала намъ сила духа, его оживлявшаго. Многаго, конечно, мы лишились, мы, его товарищи, чтившіе его какъ дѣти отца, какъ ученики наставника, имъ направляемые, имъ поддерживаемые вь нашихъ посильныхъ трудахъ. Не будетъ для насъ его слова совѣта, добра и правды, какъ не будетъ передъ нами его простодушно-величаваго взгляда мудреца, вызывающаго только истину, оцѣняющаго только добро, мирнаго вь правотѣ своей и праваго вь своемъ миролюбіи. Но вь самой скорби о такой утратѣ есть что-то возвышающее душу, успокаивающее. Востоковъ сдѣлалъ все, чего достигалъ: не осталось у него желанія неисполненнаго, не осталось труда неоконченнаго. И эти

труды его, уже произведшіе сильное вліяніе на науку и на образованіе, только начали приносить плоды. Лучшее будущее для нихъ еще впереди. Они будутъ дѣйствовать, какъ силы не слабѣющія, а возрастающія, будутъ дѣйствовать и сами собою, и тѣмъ, что вызовутъ собою, что выступившія и за ними послѣдующія поколѣнія поведутъ дѣло, начатое первымъ вожатаемъ, далѣе по указанному имъ пути.

«Счастливъ, кто могъ такъ прожить и оставить такое наслѣдство потомству и отечеству».

Невозможно не привести хоть отрывокъ изъ рѣчи въ день столѣтія смерти Ломоносова 4 апр. 1865 г.

... «И вотъ его образъ, его дѣла, его слово и душа опять передъ нами. Опять передъ нами, и въ новомъ свѣтѣ. Для насъ онъ не просто гениальный человѣкъ, ученый, писатель; для насъ онъ гражданинъ, подвижникъ, совѣтникъ народа. Не будетъ онъ восторгать своими одами и рѣчами, не будетъ объяснять истинъ науки своими изслѣдованіями, своей физикой, металлургіей, грамматикой, риторикой, исторіей; а будетъ учить, какъ жить, думать, чувствовать.

«Жизнь его будетъ намъ указывать, какъ намъ жить, чтобъ не напрасно называться русскими.

«Трудъ постоянный, вызываемый мыслію и на нее наводящий, трудъ и для отдыха, и постоянная забота о томъ, что нужно намъ русскимъ: вотъ въ чемъ прошла вся жизнь его. Путеводныя правила такой жизни просты:

«Трудись настойчиво, отчетливо, честно — чтобы послужить отечеству по силамъ.

«Люби отечество, живи для него.

«Любя его, люби науку. Она намъ необходима — строгая

въ изслѣдованіяхъ, отвѣтственная передъ цѣлымъ свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку. Она должна быть основой и судіей всѣхъ нашихъ успѣховъ, душой порядка, вожатаемъ промышленности, свѣтомъ, для всѣхъ одинаково открытымъ, хранимымъ всѣми, царемъ и народомъ, отъ враговъ явныхъ и тайныхъ, отъ невѣжества и безпечности, чванства, своекорыстія, суемудрія и суесловія.

«Люби науку не въ себѣ однимъ, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и тепли любовь эту въ юношахъ» . . .

Сила поэтическаго творчества прорывалась иногда и въ серьезныхъ трудахъ И. И-ча. Когда предметъ, о которомъ онъ говорилъ, затрагивалъ глубоко его душу, рѣчь его проникалась горячимъ чувствомъ и оживлялась поэтическою образностью. Нѣкоторыя страницы «Мыслей объ исторіи Русскаго языка», воспоминаній о почившихъ дѣтеляхъ, бесѣдъ «Объ изученіи родного языка» даютъ примѣры такого одушевленія. Въ первой бесѣдѣ «Объ изученіи родного языка» таковы строки, въ которыхъ выражается мысль о великомъ значеніи матери въ дѣлѣ развитія дитяти:

«При заботливомъ наблюденіи этихъ правилъ цѣль, достигаемая въ первую пору обученія дѣтей родному языку, легко достижима; дай Богъ, чтобы такъ же легко достигались другія цѣли, достигаемыя позже. Легко достижима она, если только дитя идетъ къ ней подъ крыломъ любви материнской, любви ли самой матери или кого другого, заступающаго ея мѣсто, но все-таки любви материнской, той чистой, безкорыстно-заботливой и никогда не слабѣющей, святой любви, съ которою никакая другая сравниться не можетъ. О еслибы только помнили одинаково всѣ матери, что значить жить на свѣтѣ безъ этой любви и самой матери,

и дитяти, узнавая хоть отъ нанимаемыхъ ими нянь или наставницъ, какъ нуждается дитя въ этой любви, какъ вызываетъ ее и въ нихъ, случайно къ нему призванныхъ, и какими радостями наполняетъ душу. О еслибы всѣ матери одинаково понимали, что отъ этой любви зависитъ все будущее человѣка!».

II.

ВЗГЛЯДЫ НА ПОЭЗІЮ. — ОТНОШЕНІЯ КЪ ПИСАТЕЛЯМЪ.

Съ молодости знакомый со всѣми литературами Европы, П. П. постоянно поддерживалъ и расширяалъ въ себѣ эти знанія: перечитывалъ давно извѣстное, любимое, знакомился съ новымъ. Чтеніе художественныхъ произведеній было для него необходимою потребностью. «Не совсѣмъ доволенъ я днемъ», писалъ онъ одному знакомому, «если не кончу его какимъ нибудь умнымъ легкимъ чтеніемъ». Часто по вечерамъ онъ читалъ вслухъ въ семейномъ кругу или слушалъ кого нибудь изъ своихъ дѣтей; всегда читалъ передъ сномъ. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ шуточно: «Пренесносные *Misérables*: они виноваты, что и письмо мое хуже, чѣмъ бы смѣло быть. Голова занята ими, не только время»¹⁾. Даже въ самые послѣдніе дни своей жизни, уже совсѣмъ больной и слабый физически, онъ перечитывалъ одну изъ своихъ любимыхъ книгъ, «Войну и Миръ».

Его душевная чистота, строгая нравственность и высокое почитаніе семейныхъ началъ дали особое направленіе

¹⁾ Къ А. О. Вельману, июль 1862 г.

его требованіямъ. Бывало, что онъ относился холодно къ знаменитымъ произведеніямъ литературы, въ которыхъ не находилъ пищи для своей души, и наоборотъ, если находилъ эту пищу, то забывалъ о внѣшнихъ недостаткахъ — видѣлъ ихъ, но не придавалъ имъ первенствующаго значенія. Замѣчательно одно изъ его писемъ къ Н. А. Чаеву, въ которомъ онъ высказываетъ свои взгляды на поэзію.

Н. А. Чаевъ, ставшій въ то время извѣстнымъ своими романами «Подспудныя силы» и «Богатыри» и нѣсколькими драматическими произведеніями, былъ, какъ писатель и какъ человѣкъ, очень близокъ И. И-чу по духу. Между ними велась переписка, правда, не очень частая, но душевная и полная взаимнаго довѣрія. Въ одномъ письмѣ И. И. пишетъ Чаеву, что ему хотѣлось бы говорить съ нимъ, «высказаться живымъ словомъ, которое всегда теплѣе, искреннѣе, чѣмъ написанное, холодно обдуманное или по крайней мѣрѣ считаемое такимъ, и потому очень часто пренебрегаемое сердцемъ»... «Если не съ перваго разу», говоритъ онъ, «то по немногу вы сочтете не совершенно ненужнымъ слушать исповѣдь старика не злого, не желающаго сердить»...

Чаевъ высоко цѣнилъ и чтилъ И. И-ча и нерѣдко обращался къ нему за совѣтомъ. Посылая ему новое свое произведеніе «Надю», онъ пишетъ: «Снисходительное, теплое вниманіе ваше къ трудамъ моимъ, въ наше зимнее, замораживающее робкіе побѣги родного творчества время, грѣло, грѣетъ меня и будетъ грѣть; стало быть вамъ, какъ участнику моего дѣла, я обязанъ больше чѣмъ на половину тѣмъ, что не бросаю его и работаю»... Хотѣлось мнѣ лично представить вамъ мою

погудку. . . Если не удастся, то позвольте мнѣ попросить совѣта вашего письменно. Ваше теплое слово, запавшее глубоко въ сердце мое, даетъ мнѣ смѣлость на это и нѣкоторое право».

Въ другихъ письмахъ пишетъ онъ: «Такіе читатели какъ вы, соединившіе въ себѣ и просвѣщенный взглядъ и тепло душевное. . . , и поощряютъ къ труду, и заставляютъ держать ухо востро писателя». . . «Ваше слово ободряетъ меня и живитъ: иначе работаешь, когда по временамъ слышишь „Помогай Богъ“ такихъ людей, теплыхъ, юныхъ при зрѣлости, какъ вы».

Послѣднія слова служатъ отвѣтомъ именно на то письмо, которое упомянуто выше. Оно настолько ярко выражаетъ Измаила Ивановича, что его нельзя не привести цѣликомъ:

«За недѣлю передъ этимъ, 6-го апр. я началъ писать къ вамъ письмо, едва только освободившись отъ обязательныхъ занятій; написалъ три страницы — и не кончивъ, пошелъ на почной покой. Утромъ перечелъ — и рѣшился бросить написанное: такъ оно мнѣ не понравилось. Не рѣдко приходится мнѣ это дѣлать съ тѣмъ, что должно идти въ печать, и почти никогда съ письмами; но за то очень рѣдко приходится мнѣ и писать такія письма, какое хотѣлъ написать вамъ. Бросивъ написанное, я сталъ думать, какъ же написать вамъ то, что хочется вамъ высказать. Думалъ каждый день, почти за каждою работою — и все-таки не додумался. А между тѣмъ надо исповѣдаться въ постные дни: надо написать вамъ письмо сегодня или непременно завтра. Вотъ я и взялся за листокъ. Какъ что напишется, не знаю; одно знаю: еслибы я не уважалъ васъ и не былъ бы глубоко благодаренъ за душевныя наслажденія, мнѣ

вами данныя, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ увѣренъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ убѣжденій обоимъ намъ общи, то я бы не сталъ вамъ писать о томъ и такъ, о чемъ и какъ рѣшаюсь.

«Отмѣчу прежде всего нѣкоторые изъ убѣжденій, намъ обоимъ — какъ я полагаю — общихъ.

«— Мы вѣримъ въ жизнь добра во всякомъ человѣкѣ: какими бы тяжелыми и толстыми слоями ни покрывало его все недоброе, добро въ душѣ человѣка не пропадетъ, и, можетъ случиться, выбьется изъ подъ гнета, разнесетъ его — силою сочувствія къ добру, для него виѣшнему, вызывающему.

«—Мы вѣримъ въ необходимость задушевности, чистой и теплой искренности въ отношеніяхъ съ себѣ подобными, хотя съ немногими, если нельзя со многими, въ необходимость дѣлиться мыслию и чувствомъ, радостью и горемъ, и даже не дѣлясь, однимъ довѣряться, отъ другихъ ждать довѣренности, быть ея достойнымъ.

«—Мы вѣримъ высокому значенію достоинства въ человѣкѣ, и чѣмъ гдѣ видимъ его болѣе освобожденнымъ отъ чего бы то ни было его унижающаго, тѣмъ болѣе невольно почитаемъ человѣка, имъ овладѣвшаго.

«—Мы вѣримъ потребности искать истины посредствомъ правды и правды посредствомъ добытой истины, какъ бы мелочная опытность ни обольщала насъ увѣреніями, что выгодно искать истины и правды посредствомъ лжи и обмана.

«—Мы вѣримъ необходимости художества — или лучше сказать — поэзіи, какое художество ни взяла бы она какъ орудіе, вѣримъ необходимости поэзіи, какъ силы, могущей вызвать къ жизни всякую другую внутреннюю силу; бѣдѣтъ

и жалокъ человѣкъ, который никогда не нуждался и не понуждается въ этой силѣ. Очень, очень многіе чувствуютъ ее и не умѣютъ назвать, даже не нуждаются въ отвлеченіи названіемъ; многіе чувствуютъ и умѣютъ назвать, но не то что чувствуютъ, а что принято называть, чувство само по себѣ, имя само по себѣ; очень немногіе къ счастью знаютъ только имя, какъ слѣпой названіе цвѣта. Изъ этихъ трехъ отдѣловъ людей самыя властныя и самыя прихотливыя тѣ многіе, которые въ себѣ чувствуютъ силу поэзіи и независимо отъ этого умѣютъ владѣть именемъ поэзіи, а равно и именами художества, искусства, мастерства и всего подобнаго...

«Я бы желалъ принадлежать и кажется принадлежу не къ этому отдѣлу людей, а къ обширному первому, хотя и употребляю и по своему осмысляю слова: поэзія, художество и пр. Желалъ бы, чтобы и вы принадлежали къ этому же отдѣлу... И тутъ-то начинается моя исповѣдь. Каюсь, грѣшный, каюсь искренно, чистосердечно, каюсь и — не покаюсь, грѣшнымъ и останусь, опираясь на убѣжденія, выше высказанныхъ, принимаемыхъ мною за наши общія.

«Для меня никакіе подборы и сочетанія красокъ, линій, звуковъ, словъ, образовъ, восклицаній, тѣлодвиженій — не поэзія; никакая завѣдомая ложь, никакая поддѣлка, какъ и никакое отсутствіе живого человѣческаго смысла — не поэзія; никакое озлобленіе, никакая насмѣшка — не поэзія. Для меня поэзія — сила чистая, святая, очищающая и освѣщающая человѣка, освѣщающая невидное, освѣтляющая зрѣніе слѣпого, умудряющая немудраго, вызывающая къ жизни омертвѣвшаго, къ надеждѣ безнадежнаго, къ вѣрѣ безвѣрнаго, къ добру его забывшаго, къ достоинству имѣ

пренебрегшаго — сила задушевной правды, передуманной и перечувствованной, заставляющей чувствовать и думать всюю душою. Она может преобразоваться въ вѣру, но не въ безвѣріе, въ покаяніе, но не въ проклинаніе, въ словословіе, но не въ злословіе. Всякое художество можетъ быть ея орудіемъ, но всякое само по себѣ, только потому что можетъ быть ея орудіемъ, не непременно должно быть движимо только ею. Подлинный царь остается царемъ и не въ царской одеждѣ; а царское платье видятъ чаще всего на актерахъ, а не на царяхъ. И что бываетъ съ царскимъ платьемъ актеровъ, то бываетъ и съ художествомъ: это не настоящее царское платье, а поддѣлка, не художество, а мастерство, мастерство подобострастное, приниженное, мелко угодливое — и вмѣстѣ съ тѣмъ чванное, самоувѣренное, властительное, что-то въ родѣ молитки, повинующейся модной картинкѣ и никакому живому самостоятельному вкусу, смѣло защищающей всякое безобразіе, пока оно не смѣнится другимъ безобразіемъ, и не желающей понять красоты; или же иногда что-то въ родѣ паяца, продѣлывающаго разные невозможные фокусы, но не просто фокусника, а каліостра, движущагося и движущаго силою, простому смертному недоступною. Можно быть обманутымъ, конечно, можно принять и мастерство за художество, и художество не за орудіе только поэзіи, а за самую поэзію; но нельзя стараться быть обманутымъ и довольствоваться обманомъ какъ правдою. Миѣ случалось видѣть молящихся подъ звуки голоса поющихъ молитву: какая молитва, о чемъ она — молящийся не знаетъ, и голоса поющихъ не благообразны; но молящийся молится всюю душою, самъ себѣ созидая молитву, и напѣваетъ ее про себя голосомъ сердца. Такимъ молящимся можетъ быть всякій человекъ, дви-

жимый внутреннею силою поэзіи, при содѣйствіи всякаго искусства — совершенно помимо вліянія художника. Можно вѣдь молиться и передъ образомъ, котораго не видишь, молиться и ничего не видя и не слыша, ничего видимаго не представляя, можно молиться и передъ образомъ издѣлія дюжиннаго богомаза, и тепло молиться — не по силѣ творческаго дѣйствія этого богомаза, а по внутренней только силѣ. Тутъ даже и обмана нѣтъ: тутъ душевная жажда сама по себѣ, а все другое само по себѣ.

«Но если поэтъ почуялъ въ себѣ не только душевную жажду задушевной правды, а еще и дѣятельную силу удовлетворять этой жадѣ другихъ, не долженъ ли онъ стараться сознательно овладѣть этой силой, именно тою ея долей, какую онъ чувствуетъ въ себѣ про себя болѣе всякой другой, не подчинялся никакому виѣшнему давленію, а его подчиняя себѣ? Онъ долженъ подѣлиться съ другими своею милою, дорогою, ничѣмъ не замѣнимою задушевною правдой, много разъ перечувствованною и передуманной; но ею только, а ничѣмъ другимъ вмѣсто нея или вмѣстѣ съ нею.

«И вы, Чаевъ, владѣете этою силой задушевной правды, вы, какъ силачъ, можете управлять посредствомъ нея другими, сами того не замѣчая. Она пробивается тамъ, гдѣ вы не ждали, и вызываетъ сочувствіе въ тѣхъ, о комъ не думали. Назойливо повторю, о чемъ писалъ вамъ когда то: «Подспудныя силы» ваши были читаемы и перечитываемы мною и нами не для наполненія чѣмъ нибудь пустого времени, а для утоленія жажды душевной, и утоляли ее въ цѣлой семьѣ, въ семьѣ не неразборчивой въ этомъ отношеніи, утоляли ее задушевно правдивымъ чутьемъ добра въ человѣкѣ, чутьемъ его собственнаго чутія этого добра,

сочувствіемъ ко всему человѣческому. Я душевно благодаренъ вамъ за «Подспудныя силы», какъ членъ семьи и какъ отецъ ея, чувствуя, что онѣ въ насъ вызывали наши подспудныя силы. Подспудныя силы, Конперфильдъ, Чилингли, Дѣтство и Отрочество, Война и Миръ — и еще очень немногое въ томъ же родѣ люблю я не какъ любовникъ, а какъ любящій, не влюбленный, а вѣрный привязанности. По дорогѣ «Подспудныхъ силъ» лежитъ путь вашей силы, могъ я сказать, не зная васъ лично. Еще смѣлѣе могу это повторить теперь, проведши съ вами нѣсколько долгихъ вечеровъ. Вы можете всѣмъ увлечься, такъ что самое дорогое останется на днѣ души; но пока не поднимется на верхъ это дорогое, увлеченіе ваше будетъ скорѣе забыть, чѣмъ сознательное увлеченіе. Во многомъ вы можете быть мастеромъ и художникомъ; но поэтомъ — именно въ томъ, въ чемъ и въ «Подспудныхъ силахъ».

«И въ этомъ то мы, жаждущіе, всего болѣе нуждаемся. За недостаткомъ чистой воды изъ источника приходится инымъ — и многимъ — пить всякую грязь, и привыкая къ пей, а не къ ней, такъ къ горѣлкѣ, доходить до того, что чистая вода для утоленія жажды не годится, а годится развѣ какъ лѣкарство. Это ли не горе?.. Не горе ли, что и поэтъ Войны и Мира пустился утолять жажду читателей и почитателей грязью и горѣлкой!

«Ночь заставляетъ окончить исповѣдь. Скверно, но искренно высказался я. Жаль будетъ, если вы скажете на это: искренно, но скверно».

Послѣднія строки этого письма относятся къ «Аниѣ Карениной». Признавая всю глубину и красоту этого произведенія, И. И. не могъ любить его: художественные образы его были ему не по душѣ и не были по его мнѣнію

способны давать чистое наслаждение въ семейномъ кругу. Можно припомнить, что появившіяся въ Русскомъ Вѣстникѣ первыя главы «Анны Карениной», И. И. тотчасъ же началъ читать вслухъ своимъ, спѣша подѣлиться съ ними радостью, которую онъ ждалъ отъ новаго произведенія Толстого; но слѣдующія книжки онъ читалъ уже одинъ.

Замѣчательно, что И. И. говоритъ Чаеву только о его «Подспудныхъ силахъ», между тѣмъ какъ письмо его писано уже послѣ выхода въ свѣтъ «Богатырей». Раньше И. И. высказывалъ Чаеву удовольствіе, которое доставило ему чтеніе «Богатырей», но хвалилъ въ нихъ болѣе внѣшнія достоинства. «Ждемъ съ нетерпѣніемъ продолженія» писалъ онъ ему. «Любуемся и простою, задушевностью разсказа, и вѣрностью подробностей (нѣкоторыя по крайней мѣрѣ, какъ напр. барскій домъ прошлаго вѣка, мнѣ извѣстны близко), и мѣткою очерченности характеровъ, и художническому умѣнью ихъ сопоставлять какъ звуки въ аккордѣ. Особенно это послѣднее падаетъ мнѣ на душу всего сильнѣе. Когда то эту силу искусства я чувствовалъ только, не понимая, отчего она такъ могущественна. Теперь, понявши ее, я тѣмъ болѣе поддаюсь ей, чѣмъ она болѣе безыскусственна, и не могу не дорожить ею въ писателѣ. Я уже не говорю о занимательности вашего разсказа, не зависящей вовсе отъ желанія знать, что будетъ далѣе. Да, вы — мастеръ, и слава Богу. Мастера намъ нужны. О, какъ еще нужны! Если бы для всего были у насъ мастера — хотъ бы даже и не такіе, какъ вы въ своемъ дѣлѣ, только съ тою же любовью къ своему дѣлу, какая дышетъ въ васъ!».

Въ другой разъ, тоже въ письмѣ къ Чаеву, И. И. высказываетъ свои взгляды по поводу послѣднихъ произведеній Тургенева и Майкова.

«Не совсѣмъ пріятно провелъ я время и съ «Вѣшними водами». Въ сопостановкѣ и обрисовкѣ характеровъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ содержанія, въ легкости и выразительности изложенія и языка Тургеневъ и тутъ мнѣ показался мастеромъ; но когда я кончилъ чтеніе (я впрочемъ дочелъ до выѣзда Полозовыхъ изъ Висбадена — и затѣмъ перебросился къ послѣднимъ страницамъ), мнѣ стало грустно, что и Тургеневъ не можетъ не подчиняться напускнымъ убѣжденіямъ недорослыхъ своевольниковъ и какъ будто любить рисоваться недорослемъ, не думая о своемъ долгѣ писателя или не понимая этого святого долга. Какъ затянулъ одну пѣсенку съ голосу юныхъ безсемейныхъ брезгуновъ, что у насъ людей нѣтъ, такъ и тянетъ, и тянетъ. Удивляюсь, какъ ему самому не наскучить, если ужъ не въ силахъ подумать, что это можетъ наскучить другимъ, и что это пристрастіе его къ одной и той же пѣсенкѣ можетъ быть принято и за неумѣнье пропѣть другую. А между тѣмъ пѣсня другая намъ нужна; ее ждутъ многіе добрые люди, многія добрыя семьи и отъ него, чтобы не дать себѣ права обходить его, пѣсня не лжи, а правды. . . Пойте ее, пойте, чтобы веселѣе было на душѣ и вамъ самимъ, и всѣмъ, кто васъ слышитъ.

«Невольнo вспомнилась прошедшая суббота. У насъ былъ А. Н. Майковъ и читалъ свое новое произведеніе «Смерть Люція». Люцій тутъ и тотъ, котораго знаемъ по прежде написанному, и не тотъ, — живѣе, яснѣе, самобытнѣе, — и окруженъ такимъ разнообразнымъ множествомъ лицъ живыхъ, ясныхъ, самостоятельныхъ, что невольнo увлекаешься, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болѣе чѣмъ увлекаешься. Не говорю уже о языкѣ и стихѣ. Мнѣ кажется, что если бы устранены были нѣкоторыя натянутости по-

ложеній, то это было бы не только лучшее изъ произведеній Майкова, но и одно изъ лучшихъ новыхъ произведеній нашего поэтическаго творчества и вообще изъ произведеній новой поэзіи христіанской, т. е. той, которая вдохновляется и вдохновляетъ образами христіанскаго круга, еще сжатаго извѣстѣ язычествомъ. Жду съ нетерпѣніемъ случая еще хоть разъ прослушать прежде нежели оно появится въ печати, и вмѣстѣ хотѣлось бы, чтобъ Майковъ не спѣшилъ печатать, а еще бы выдѣлалъ то и другое».

Здѣсь идетъ рѣчь о переработкѣ драматической поэмы А. Н. Майкова, которая впослѣдствіи получила названіе «Два мира». Она была напечатана въ томъ же 1872 г., когда писано это письмо, но желаніе И. И. всетаки исполнилось: Майковъ продолжалъ обдумывать свое произведеніе и отдѣлывать его и окончательная обработка его появилась въ свѣтъ только въ 1881 г.

Чтенія, подобныя тому, о которомъ И. И. разсказываетъ Чаеву, бывали въ его домѣ нерѣдко.

Съ А. Н. Майковымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ издавна, почти со времени своего переселенія изъ Харькова въ Петербургъ. Ихъ сблизила общность взглядовъ, одинаковость требованій, одинаково чистая любовь къ поэзіи.

Майковъ нашелъ въ И. И.-чѣ сочувствующаго и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго цѣнителя, внимательнаго и вдумчиваго совѣтника. Онъ сталъ иногда прочитывать ему свои произведенія, прежде чѣмъ отдавать ихъ въ печать и принималъ во вниманіе его замѣчанія; случалось, что дѣлать и значительныя исправленія по его указаніямъ. Особенно оживленны были эти поэтическія бесѣды въ 1854 г., когда рядъ стихотвореній Майкова печатался въ Извѣстіяхъ,

которыхъ редакторомъ былъ Срезневскій. На этомъ эпизодѣ жизни И. И-ча интересно остановиться нѣсколько подробно, такъ какъ онъ еще съ новой стороны рисуетъ его отношеніе къ поэзій.

Въ архивѣ И. И-ча сохранилось нѣсколько относящихся къ тому времени писемъ и корректурныхъ листовъ съ поправками его и Майкова. Писемъ, къ сожалѣнію, немного: Майковъ и Срезневскій жили близко другъ отъ друга и сообщаться устными бесѣдами имъ было можетъ быть даже удобнѣе, чѣмъ письменными. Кромѣ того А. Н. очевидно остерегался отнимать много времени у И. И-ча. Въ одномъ письмѣ онъ высказываетъ это прямо: «Совѣстно получать отъ васъ такія длинныя письма . . . вѣдь украсть у васъ время». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Уваженіе къ вашему времени и трудамъ обуздываетъ мои порывы». Но все же сохранившіяся письма и корректуры даютъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ чертъ къ исторіи духовной жизни и дѣятельности этихъ двухъ замѣчательныхъ людей. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ числѣ стихотвореній, которыя должны были быть напечатаны въ Извѣстіяхъ, былъ «Клермонтскій соборъ». Эта поэма, написанная въ 1853 г., въ началѣ давала только яркую картину собора въ Клермонтѣ, когда одушевленное воззваніе странника подняло все рыцарство и повело его въ крестовый походъ. Въ 1854 г. подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго Крымскою войною, А. Н. присоединилъ къ своей поэмѣ заключеніе, въ которомъ противопоставилъ одушевленію средневѣковаго запада, шедшаго войною противъ невѣрныхъ за христіанство, — то сочувствіе, съ которымъ Европа XIX вѣка помогала туркамъ противъ христіанской Россіи. Въ этомъ видѣ «Клермонтскій соборъ» былъ

напечатанъ въ «Отечественныхъ запискахъ». Приготовляя нѣсколько патріотическихъ стихотвореній для «Извѣстій», Майковъ присоединилъ къ нимъ и «Клермонтскій соборъ» съ новыми добавленіями и передѣлками въ этой второй заключительной части. Въ архивѣ И. И-ча хранится оттискъ изъ «Отеч. Зап.» съ карандашными поправками А. Н-ча и переписанныя его же рукой поправки на отдѣльномъ листкѣ. Перечитывая напечатанное въ «Отеч. Зап.», И. И. обратилъ вниманіе на строки, въ которыхъ изображалась Русь современная крестовымъ походомъ:

«Тогда, оставшая отъ братій,
 Россія дѣтскою рукой
 Училась пробовать въ набѣгахъ
 Свой мечъ на лютыхъ печенѣгахъ;
 Тогда крещенія вода
 Едва чело ей окропила
 И къ жизни сердце пробудила;
 Едва рубила города
 Она по дебрямъ одичалымъ;
 Чужда высокимъ идеаламъ,
 И міру цѣлому чужда,
 Одной съ нимъ жизнью не дышала,
 Одной съ нимъ чаши не пила.
 Теперь чреда ея пришла,
 Ей двигать міръ пора настала
 И въ недоконченный походъ
 За гробъ Христа она идетъ».

И. И. замѣтилъ Майкову, что изображеніе Руси здѣсь не вѣрно, такъ какъ она еще больше запада въ тѣ времена должна была бороться съ врагами, нападавшими на Европу

изъ Азіи. Это замѣчаніе вызвало, по всей вѣроятности, продолжительный разговоръ. А. Н. возражалъ, какъ онъ самъ указываетъ въ слѣдующемъ письмѣ; но доводы П. И-ча убѣдили его и Русь предстала передъ нимъ въ новомъ видѣ. Возвратившись домой, онъ пишетъ Срезневскому:

«Почтеннѣйшій и глубокоуважаемый и любимый мною Измаиль Ивановичъ! Вы — причина великаго для меня огорченія! Зачѣмъ меня судьба свела съ вами! Зачѣмъ я не зналъ того прежде, что отъ васъ узналъ! Вѣдь выходитъ, что Клермонтскій соборъ никуда не годится, чѣмъ я болѣе вдумываюсь въ ваши слова! Я до васъ имѣлъ именно то понятіе объ XI вѣкѣ въ Россіи, какъ его очертилъ въ Клерм. соб., и какъ насъ учили въ университетѣ, и какъ его представляла наша наука, не занявшись еще тщательнымъ разборомъ памятниковъ. Оттого то я и брыкался какъ упрямая лошадь на ваши замѣчанія. По тому же что вы открыли мнѣ, оказывается, что Россія была тогда гораздо образованнѣе тогдашняго Запада. — Я радуюсь за Россію, но скорблю за себя, ибо пьеса моя должна пасть отъ невѣрности историческихъ основаній. Перестроить же ее невозможно: лопнетъ весь силлогизмъ пьесы. Лучше ее бросить. Для того чтобъ нарисовать новую картину — надобно годъ жизни по крайней мѣрѣ, чтобъ брать черты не наобумъ, а чтобъ онѣ вышли сами собою; тогда только онѣ не будутъ казаться поддѣльными. Лучше ее бросить, — а если ужъ печатать, то только потому, что она имѣла въ свое время вліяніе и значеніе. Но опять повторяю — виновать не я, а наши историки, и то еще, что наши ученые трудятся еще пока другъ для друга, печатаютъ памятники на непонятномъ языкѣ и ероглифическими буквами. Вообще еще между ихъ мученическаго вѣнца достойными подвигами и

нами, публикой, стоит стѣна необоримая. Нашъ братъ посмотреть на эти буквы, да и скажетъ — *Lasciate ogni speranza* . . . А все таки спасибо вамъ — если пьеса и упала, я за то выигралъ и впередъ буду умиѣ. Пишу вамъ это письмо во свидѣтельство того, что я отрекся отъ картины Руси XI столѣтія, начертанной мною въ Кл. Соборѣ, и что еще не имѣю силъ и образовъ перестроить ее. Когда нибудь заглажу вину передъ Клію, — особенно если судьба наткнетъ меня на трудъ по этой части: охъ, какъ бы жарко принялся».

На слѣдующій день на томъ же письмѣ Майковъ приписываетъ:

«Это писано вчера, а сегодня пишу: Ура! ура! Измаилъ Ивановичъ! честь вамъ и спасибо: передѣлать конецъ Клерм. собора; только ради Создателя, пришлите рѣчь Иллариона — я отъ нея не спалъ ночь — нужно.

«Простите, что докучаю собою. Но, ради Бога, говорите со мной всегда о русской исторіи, сообщайте, указывайте всѣ новыя мысли, кои выходить изъ подъ пера нашихъ ученыхъ! Не поскучайте!»

И. И. тотчасъ же отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

«Опираясь на пословицу «долгъ платежемъ красенъ», я рѣшаюсь отвѣчать на ваше письмо, добрый Аполлонъ Николаевичъ, такимъ же письмомъ, но на скоро, чтобы только высказаться и этимъ хоть сколько нибудь оправдать свою рѣшимость въ изустномъ разговорѣ съ вами.

«Христіанину не приходится безъ сочувствія вспоминать о храбрецахъ Запада 1096—1099 годовъ, о тѣхъ храбрецахъ, которые въ силу своей рѣшимости успѣли вырвать Иерусалимъ изъ когтей невѣрныхъ. Но что ихъ вооружило этой великодушной рѣшимостью? Духъ ли христіанской

М. Это твое время, а не мое пишу.
 ура! ура! Ура! Иванова! ура!
 Вам и спасибо: переживая Канцелярию.
 Сабара, только ради
 Савойе, приехавшей речью
 Императора - а что не не
 спать ночь - нуно.

Простите что докучаю
 сабара но, ради того, чтобы
 со мной всегда речью и
 савойе, ~~не что~~ у Канцелярии
 все новое и новое, как была
 да и не так же и не
 уречья! не покуривать!

Из письма А. Н. Майкова къ П. И. Срезневскому.

Василий А. Майков

Подпись А. Н. Майкова въ томъ же письмѣ.

образованности, требованія которой они взялись исполнить,
 или что другое? Отвѣтъ ясенъ изъ послѣдующихъ событій.
 И ста лѣтъ не прошло, какъ Иерусалимъ былъ вновь въ
 рукахъ невѣрныхъ. Спустя сорокъ лѣтъ еще, Фридриху II

опять удалось возвратить потерянное, но только на десять лѣтъ. Походы продолжались; но «Іерусалимъ, Іерусалимъ!» вторилось все глуше и глуше, и наконецъ совсѣмъ замолкло. Съ 1239 до 1855-го прошло слишкомъ 600 лѣтъ, довольно времени для того чтобъ исполнить начатое, если только начатое было начато съ тѣмъ чтобъ исполнить. А если не исполнено, слѣдовательно силъ не хватило; а если силы Запада, какъ и было въ самомъ дѣлѣ, все возрастали, стало быть духъ, оживлявшій эти силы, былъ не тотъ духъ христіанства, который бы гнушался равнодушіемъ къ власти невѣрныхъ надъ Іерусалимомъ и къ силѣ всякаго беззаконнаго ига, — не духъ христіанской образованности, а какой нибудь другой духъ, менѣе или болѣе своекорыстный. Въ 1453 году тѣ же невѣрные овладѣли и Царьградомъ, овладѣли слишкомъ 10.000.000 христіанъ въ самой Европѣ, — и Европа не подвиглась противъ нихъ, а напротивъ преклонилась передъ ихъ могуществомъ. Нынѣшнія обстоятельства возбудили самые народы Запада и весь цвѣтъ ихъ образованнаго класса за турокъ, а христіанскій вопросъ въ тѣни, если даже только онъ есть.

Что же дѣлали во все это время мы Русскіе? На насъ, людяхъ европейскаго Востока, налегъ съ незапамятныхъ временъ Востокъ азіатскій всей своей тяжестью. До водворенія христіанства Русь не была въ силахъ справиться съ нимъ и падала подъ его гнетомъ: авары, болгары, хозары, печенѣги справлялись съ нами какъ хотѣли. Первые лучи христіанства освѣтили передъ Русью ея призваніе, и она пошла по своему пути. Болгары смиренны, хозары обезсилены, печенѣги скрылись. Съ XI вѣка мы начали борьбы съ половцами, которыхъ кочевья отрубывали насъ отъ Чернаго моря и остальнаго православія, и умѣли

ихъ передѣлывать въ христіанъ. Не развѣйся у насъ удѣльная система, мы бы стерли и ихъ, и татаръ, появившихся въ XIII в. Но и удѣльное разновластіе не затуманило передъ нами нашего долга: на югѣ Галичъ, на сѣверѣ Новгородъ, поддерживали постоянно свѣтъ идеи о независимости христіанства. Боренье продолжалось непрерывно, и тѣмъ удачнѣе, чѣмъ болѣе скрѣплялись разорванныя части Руси въ одно цѣлое: въ XIV вѣкѣ мы уже могли прямо вооружиться противъ нихъ, въ XV объявить гласно свое первенство надъ ними, въ XVI начать ихъ покореніе, ихъ одомашненіе, и овладѣть частью побережья Чернаго моря. А чуть только овладѣли берегомъ, втянулись и въ борьбу съ турками: въ XVII вѣкѣ мы уже заставили ихъ себя уважать, въ XVIII смириться передъ нами, въ XIX обезсилили ихъ чуть не окончательно, — и если бъ не «образованный» Западъ, съумѣли бы уже сказать имъ послѣднее слово. Но несказанное сегодня скажется завтра, — и мы въ это вѣримъ, и турки этого ждутъ — вѣроятно, не напрасно. А люди Запада... ожидая того же,

Можетъ быть, они предвидятъ,

Что изъ Россіи молодой¹⁾

Еще не виданное выйдетъ

Гигантовъ племя къ нимъ грозой,

гигантовъ, которые своей общенародной силой заставятъ ихъ содрогнуться, припоминая имъ ихъ прошедшее, столько богатое прекрасными личностями, столь жалкое въ отношеніи къ отвѣту на восточный вопросъ, жалкое, потому что нельзя же безъ жалости представлять себѣ всего, что

¹⁾ «Молодой» поправка И. И-ча; въ текстѣ Майкова стоитъ: «изъ Россіи ледяной».

до сихъ поръ было для этого отвѣта потрачено совершенно напрасно — для славы и пользы лицъ и для общаго безславія и вреда, потрачено безъ зазора совѣсти чуть не въ продолженіи восьми сотъ лѣтъ.

«Хочу быть пророкомъ: въ 1096 году на западѣ задумали поднять восточный вопросъ; къ 1896-му году онъ рѣшится, но не на западѣ, а на востокѣ, — и не лицами, а народомъ, и не тѣми, у которыхъ его задумали поднять, а тѣми, которые, не думая поднимать, подняли, и поднявъ, не опускали его ни на мгновенье, не мороча себя никакими сомнѣніями.

«Тутъ пока кончу. Впрочемъ я такъ написалъ, что хочу просить жену, чтобы она переписала, иначе вы не разберете ничего.

«Цѣлую васъ братски, не думая поднимать никакой перчатки, потому что не принадлежу къ благородному сословію рыцарей Креста. Я просто высказалъ, что думаю теперь, что думалъ, мнѣ кажется, всегда, что думалъ и тогда, когда читалъ и перечитывалъ со слезами вашъ Клермонтскій соборъ».

Это письмо И. И-ча вызвало немедленный горячій откликъ А. Н-ча:

«Неоцѣненный мой Измаилъ Ивановичъ! Стократъ благодарю васъ за вашу настойчивость; благодарю васъ, что вы, не смотря на мои кислые рожи, все таки твердили мнѣ о негодности конца Клерм. собора! Я написалъ его вновь, и изъ вновь написаннаго три строфы принадлежать вамъ. О, какъ я счастливъ, что получилъ отъ васъ ваше письмо. Жаль, что у васъ мало времени, или что мы не въ разныхъ городахъ живемъ, — совѣстно получать отъ васъ такіа длинныя письма, — ну, добро бы въ

другомъ городѣ, это въ порядкѣ вещей. А то вѣдь украсть у васъ время! Да еще супругѣ даете переписывать! Цѣлую ея ручки за это. Въ непродолжительномъ времени доставлю мой трудъ, а теперь (полагая, что не застаю васъ дома) спѣшу письменно поблагодарить васъ. Нѣтъ поэзіи безъ науки.

«NB. Не сердитесь ради Бога, что я иногда выражусь рѣзко — у меня всегда минутѣ творчества предшествуетъ день или недѣля отчаянія — тогда я точно выражаюсь рѣзко, а потомъ ужъ и забуду, такъ и вы забывайте. Вѣдь вы меня немножко полюбили (иначе не стали бы писать), такъ ужъ не сердитесь, что иногда покапризничаю. Это въ натурѣ вещей (или людей) — посмотрите на женщинъ: вѣдь капризничаютъ только тѣ, которыхъ любите. Въ женщинахъ природа высказывается яснѣе. До свиданья».

При этомъ письмѣ былъ присланъ листокъ, на которомъ рукою А. Н. была вновь написана вся вторая часть «Клермонтскаго собора». Листокъ этотъ съ замѣтками рукою И. П.-ча хранится въ его архивѣ. Три строфы, которыя А. Н. признаетъ принадлежащими вліянію И. П.-ча, отмѣчены въ немъ карандашемъ. Вотъ онѣ:

Тогда въ ряды священной рати
Не подымались мы войной;
Отдѣльно, далеко отъ братій,
Вели мы свой крестовый бой.
Ужъ нѣдра Азіи бездонной,
Какъ разгоравшійся вулканъ,
Къ намъ слали чадъ своихъ миллионы;
Дуль съ степи жаркій ураганъ,
Металась степь какъ океанъ —
Востокъ чревать былъ Чингисханомъ!

И наша Русь тогда одна
 Сторожевымъ Европы станомъ
 Стояла — грозная поганымъ
 И слову Божьему вѣрна!...

Но и въ слѣдующихъ строкахъ также нельзя не видѣть
 вліянія И. И-ча:

Не долго рыцарей глубоко
 Такъ трогаль кликъ: «Ерусалимъ!»
 Стоишь христіанскаго востока
 Все глуше становился имъ!
 Россія гибла: къ христіанамъ
 Взывала воплями она, —
 Но какъ Іосифъ агарянамъ
 Была отъ братьевъ продана!
 Упала съ громомъ Византія!
 Семья славянскихъ царствъ за ней;
 Столпы сложились костяные
 Изъ череповъ богатырей.
 За честь Евангелія Христова
 Сыны Людовика Святого
 Уже выручать не шли Царьградъ —
 Отъ брата отшатнулся братъ!..
 Мы — Крестоносцы отъ начала!
 Сломивъ враговъ, пожавши плодъ
 Науки, днесь Россія встала —
 И въ недоконченный походъ
 За гробъ Христа она идетъ.

Послѣднія строки тутъ же, въ рукописи А. И-ча пере-
 дѣланы рукою И. И-ча слѣдующимъ образомъ:

Сыны Людовика Святого
 Не шли Царьградъ ужъ выручать...
 Мы — Крестоносцы отъ начала!
 Сломивъ своихъ враговъ, карать
 Враговъ Христовыхъ Русь возстала
 И въ недоконченный походъ
 За гробъ Христа она идетъ.

Эта поправка была очевидно принята Майковымъ, потому что въ слѣдующемъ письмѣ, присылая поправку къ другому стихотворенію, онъ выписываетъ и эту.

Но черезъ нѣсколько времени, когда стихотвореніе уже было набрано въ типографіи, А. Н. присылаетъ новую передѣлку;

Мы — Крестоносцы отъ начала!
 Въ Ордѣ насъ рвали по клочкамъ,
 Насъ жгли, но... легче смерть, чѣмъ срамъ!..
 Въ крови страдальцевъ возрастала
 И крѣпла Русь; какъ мститель встала,
 И вновь въ неконченный походъ
 За крестъ Христовъ она идетъ.

Здѣсь въ рукописи А. Н-ча тоже есть поправки рукою И. И-ча: вмѣсто выраженія «въ крови страдальцевъ» — «страдальцевъ кровью», и вмѣсто послѣднихъ двухъ строкъ —

И, вѣрная себѣ, идетъ
 Въ обѣтованный свой походъ.

Эта передѣлка съ измѣненіями И. И-ча нанесена рукою Майкова на корректурный листъ, который также находится въ архивѣ И. И-ча. Такъ стихотвореніе и было напечатано

что вогнутом не или изгнать;
 или брати великия брат!...
 или Крестомосецъ или патина!

Въ ортъ или рванъ по Клокамъ

Нашъ жини, но ~~мы~~ ^{... еще смелъ нашъ брат!}

~~и на Крестъ Ардаикувъ Рубъ~~ ^{нашъ!}

~~Въ Крестъ Ардаикувъ~~ ^{ардаикувъ} ~~возрастаетъ~~ ^{возрастаетъ}

и Крестъ Рубъ; Кашъ мѣтѣтъ ^{встанетъ}

и ~~на~~ ^{востокъ} ~~Крестъ~~ ^{находъ}

За Крестъ Крестовъ ^{оса} ~~идетъ~~ ^{идетъ}

Иванушки сибирякъ
 Мориловъ всѣмъ тобою

Автографъ А. Н. Майкова съ поправками И. И. Срезневскаго.

въ Извѣстіяхъ съ нѣсколькими еще небольшими измѣненіями противъ рукописи.

Кромѣ «Клермонтскаго собора» въ Извѣстіяхъ были напечатаны: Памлти Державина, Отставной солдатъ Перфильевъ, Посланіе въ лагерь, Пастухъ, Молитва и стихотвореніе, начинающееся словами «Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный». Это послѣднее должно было быть напечатано впереди другихъ и служить имъ введеніемъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу А. Н.

«Спѣшу сообщить вамъ, любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ, стихотвореніе, долженствующее служить введеніемъ.

Да кстати, что вы думаете объ Одѣ? Я бы хотѣлъ ее напечатать тутъ же, для полноты. Предложите пожалуйста и отдайте въ типографію, если Академія одобритъ. Ради Христа, ускорите дѣло: вѣдь мнѣ дороже всего то чувство, которое должны поддержать и почитать эти стихи въ русскихъ людяхъ. Ради этого и вы похлопочите; я вѣдь считаю это дѣлцо службой отечеству».

Присланное стихотвореніе, дѣйствительно, должно было служить вступленіемъ къ остальнымъ, такъ какъ въ немъ выразилось зарожденіе того настроенія, которымъ они всѣ проникнуты. Вотъ оно въ первоначальномъ своемъ видѣ:

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь — блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣняли тайны
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя,
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ
Червонцы по столу горстями пересыпая
Какъ бы невѣдомымъ внимаешь голосамъ.
Теперь не то. Мой стихъ не служить мнѣ забавой.
Я міра мелкаго литературной славы
Страхую прахъ отъ ногъ. Я слышу зовъ иной.
Широкій горизонтъ открыть передо мной.
Увѣренной рукой берусь теперь за лиру
И, обновленная, звучнѣй гремитъ она.
Намъ новый вѣкъ насталъ: ударила война,
Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи, да явитъ въ свой чередъ
Ту силу, ту красу, ту доблесть нашъ народъ,

Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ,
 Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спар-
 Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю, [танцахъ.
 Что я лжемудрости не скованъ цѣпью узкой:
 Что съ гордостью я всѣмъ сказать могу: я русскій!
 Что пламенемъ однимъ съ Россіей я горю!
 Что слезная объ ней въ душѣ моей забота,
 Что тотъ же мощный вѣтръ расправилъ парусъ мой,
 Которымъ движимы, неслися подъ грозой
 Громады кораблей Нахимовскаго флота!

Интересно прослѣдить по письмамъ и корректурнымъ
 листамъ, какъ постепенно измѣнялась средняя часть этого
 стихотворенія. Первая строфа и послѣдняя остались почти
 безъ перемѣнъ. Въ средней же въ рукописи А. Н-ча сдѣлана
 сначала одна поправка рукою П. П-ча: слова «увѣренной
 рукой» переставлены — «рукой увѣренной»; потомъ они
 зачеркнуты и сбоку его же рукою написано: «рукою вѣрной».
 А. Н. принялъ эту поправку. Вслѣдъ за тѣмъ онъ пере-
 дѣлалъ и слѣдующія пять строкъ.

Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
 И, обновленная, привѣтствуетъ она
 Намъ новыхъ дней зарю... Ударилъ война,
 Россія вызвана на созерцанье міру,
 На судъ Исторіи: да самъ въ себѣ пойметъ
 Ту силу, ту красу, ту доблесть нашъ народъ,
 Которыя онъ чтить умѣетъ въ иностранцахъ...

Эту передѣлку А. Н. прислалъ П. П-чу при слѣдую-
 щемъ письмѣ: «Я знаю, что ничего нѣтъ непріятнѣе, какъ
 когда человѣкъ все говоритъ о себѣ и суется съ своимъ
 дѣломъ. Исключается ли изъ этого авторъ, котораго сочи-

неніе печатается? Не знаю. Потому, не распространяясь на словахъ, представляю на ваше благоусмотрѣніе мои передѣлки — здѣсь въ выпискѣ и на корректурныхъ листахъ. Надѣюсь, что теперь такъ. Ничего нѣтъ хуже времени печатанія стиховъ: тутъ хоть тресни, а давай поправку сейчасъ, не выжидая благопріятной минуты. Ажно голова разболѣлась. Посмотрите, батюшка Измаиль Ивановичъ — такъ ли? . .

«Въ Одѣ — какъ вы думаете, ничего, что сказано: въ *дряхлой* Вѣнѣ? Пожалуй для цензуры можно погрѣшить и сказать въ *древней* Вѣнѣ. Норовъ въ прошломъ годѣ затруднялся».

Въ это время стихотвореніе уже было набрано и поправки А. Н-ча были нанесены на корректурный листъ рукою П. П-ча. Черезъ нѣсколько дней А. Н. прислалъ новое измѣненіе:

Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи: міръ гордый да пойметъ,
Что крѣпость духа въ насъ и доблесть та жъ живетъ,
Которыя мы чтимъ умѣемъ въ иностранцахъ,
Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спартакахъ.

И. Н. нанесъ эту передѣлку на корректуру, но съ своимъ собственнымъ измѣненіемъ:

міръ гордый да пойметъ
Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ...

На томъ же корректурномъ листѣ А. Н. передѣлалъ и первыя строки этой строфы и она получила совсѣмъ иной характеръ, не похожій на тотъ, съ которымъ появилась въ началѣ изъ подъ пера поэта:

Теперь не служить стихъ мнѣ праздною забавой.
 Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
 На зовъ торжественный отечественной славы.
 Широкий горизонтъ открыть передо мной.
 Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
 И, обновленная, привѣтствуетъ она
 Намъ новыхъ дней зарю. . . . Ударяла война,
 Россія вызвана на созерцанье міру,
 На судъ Исторіи: да гордый міръ пойметъ,
 Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ,
 Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ —
 Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спартанцахъ!

На томъ же корректурномъ листѣ рукою И. И. сдѣлана поправка и во второй строкѣ послѣдней строфы; вмѣсто словъ

Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю,
 Что я лжемудрости не скованъ цѣпью узкой

Онъ написалъ

Что мы не скованы лжемудростію узкой.

Въ такомъ видѣ стихотвореніе и было напечатано.

Посылая И. И-чу оду «Памяти Державина», А. Н. пишетъ:

«Вотъ оттискъ Оды—но предупреждаю: она была въ цензурѣ, и цензура вотъ что вычеркнула (карандашемъ отмѣчено). Если ее нельзя напечатать цѣликомъ, то лучше не печатать. Не забудьте, о многотерпецъ, показать и поправку Клерм. собора Академіи».

Въ присланномъ печатномъ оттискѣ оды карандашемъ слегка зачеркнуты слѣдующія строки:

Не полны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ.

Вѣроятно это и было то, что вычеркнула цензура. Ода была напечатана съ возстановленіемъ вычеркнутыхъ строкъ.

Стихотвореніе, напечатанное подъ названіемъ «Посланіе въ лагерь», въ списокѣ, присланномъ Майковымъ, заглавія не имѣетъ и нѣсколько отличается отъ напечатаннаго. Вотъ оно въ первоначальномъ видѣ:

Межъ тѣмъ какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ
Идете Божьею грозою на враговъ, [полковъ
О какъ хотѣлось бы хоть знакъ подать вамъ, братья!
Чтобъ видѣли вы къ вамъ простертыя объятъ,
Чтобъ знали чувства вы, бушующія въ насъ,
Чтобъ мощь оставшихся вся въ васъ перелилась.
Мой стихъ есть тоже мечъ — и съ вашими мечами
Ужели не блеснетъ за Русь онъ подъ грозой?
Ужели долженъ онъ молчать передъ врагами?
Я знаю, съ нимъ въ устахъ смѣлѣй пойдешь ты въ бой,
Съ нимъ вся моя душа съ тобой помчится къ битвѣ!
Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ;
Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
Который свѣтитъ намъ водителной звѣздой,
Тотъ гордый идеалъ, который, окрыляя
Любовію нашъ духъ въ годину горькихъ бѣдъ,
Все осязательнѣй и ярче въ тридцать лѣтъ
Осуществляется подъ скиптромъ Николая.

На этомъ списокѣ рукою Срезневскаго сдѣлано карандашемъ нѣсколько предположительныхъ поправокъ, которыя слѣдующимъ образомъ измѣняютъ среднюю часть стихотворенія:

Ужели можетъ онъ молчать передъ врагами?
 Я знаю, съ нимъ въ устахъ иду я смѣло въ бой,
 Съ нимъ вся моя душа летитъ отважно къ битвѣ.
 Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ,
 И свѣтитъ мнѣ она водительной звѣздой.
 Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
 Тотъ гордый идеалъ, который, окрыляя
 Любовію нашъ духъ въ годину горькихъ бѣдъ
 Все осязательнѣй и ярче (въ) тридцать лѣтъ
 Осуществляется подъ скиптромъ Николая.

Изъ всѣхъ этихъ поправокъ Майковъ согласился только съ двумя; во первыхъ:

Ужели можетъ онъ молчать передъ врагами?

при чемъ слѣдующія двѣ строки онъ измѣнилъ такъ:

Къ вамъ шлю его, друзья, въ вашъ лагерь боевой,
 Въ немъ всѣ моя душа помчится съ вами къ битвѣ.

Во вторыхъ, въ предпоследней строкѣ стихотворенія онъ выпустилъ предлогъ въ.

Кромѣ названныхъ стихотвореній А. Н. предполагалъ напечатать въ Извѣстіяхъ еще три: «Арлекинъ», «Москвѣ въ день столѣтія Московскаго университета» и «Ода вторая на Турецкую войну», въ другомъ спискѣ названная «Обѣтъ Россіи».

Эти стихотворенія не были напечатаны въ Извѣстіяхъ. Предполагалось присоединить ихъ къ напечатаннымъ, когда они вышли отдѣльнымъ оттискомъ подъ названіемъ «1854-й годъ». Но въ этотъ сборникъ вошли только «Москвѣ» и «Арлекинъ»; «Обѣтъ Россіи» совсѣмъ не былъ напечатанъ.

Стихотвореніе «Москвѣ» не сохранилось въ автографѣ Майкова. Есть только печатный оттискъ его, на которомъ

рукою И. И-ча сдѣлано карандашемъ нѣсколько предположительныхъ измѣненій. Неизвѣстно, были ли эти измѣненія предложены Майкову; во всякомъ случаѣ въ печатный текстъ стихотворенія они не вошли. Но они характеризуютъ Срезневскаго и потому интересно на нихъ обратить вниманіе. Въ стихотвореніи Майкова написано такъ:

Связавъ минувшее съ грядущимъ,
Забвенье съ предковъ ты сняла
И поколѣньямъ нынѣ сущимъ
Ты мысль отечества дала.
Оно — въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди;
Что есть за мной ужъ много славы,
И больше будетъ впереди;
Что въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родинѣ мой трудъ
И что дѣла мои — потомки
Благословятъ или проклянутъ. . .

Съ поправками И. И-ча эти стихи должны были быть измѣнены такъ:

Оно — въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ у насъ въ груди,
Что есть за нами много славы,
И больше будетъ впереди,
Что въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родинѣ нашъ трудъ,
Что насъ за каждый шагъ потомки
Благословятъ или проклянутъ.

Какъ сказано выше, всѣ эти замѣтки остались только на корректурномъ листкѣ.

Въ архивѣ И. И-ча есть и еще нѣсколько писемъ Майкова и корректурныхъ поправокъ подобныхъ приведеннымъ; но мы ограничимся здѣсь этими наиболѣе интересными выписками.

Въ послѣдующіе годы А. Н. продолжалъ обращаться къ И. И-чу за совѣтами и указаніями. «Емшанъ», «Бальдуръ», «Пульчинель», «Слово о полку Игоревѣ», «Два мира» и другія произведенія читались имъ не по одному разу у И. И-ча, прежде чѣмъ стали извѣстны обществу. Сколько помнится, на поэтическое сказаніе о емшанѣ въ Ипатievской лѣтописи именно Срезневскій обратилъ вниманіе Майкова.

Биографъ Майкова, г. Златковскій, рассказываетъ, что когда А. Н. занялся переводомъ «Слова о полку Игоревѣ», онъ повесилъ свой первый набросокъ къ И. И-чу, чтобы показать его и попросить объясненія темныхъ мѣстъ. И. И. побудилъ его заняться самостоятельно этимъ памятникомъ и, подзадоренный имъ, А. Н. сталъ изучать не только лѣтописи, историковъ и всю литературу «Слова», но также и древніе памятники другихъ народовъ, съ которыми «Слово» могло быть сравнено или которые могли служить пособіемъ для его пониманія¹⁾. Во все время своей многолѣтней работы онъ часто приходилъ къ Срезневскому за совѣтомъ: во многихъ случаяхъ соглашался съ его указаніями, но иногда имъ приходилось и спорить. Окончивъ свой трудъ, Майковъ представилъ его въ Академію Наукъ для соисканія Уваровской преміи. Разсмотрѣніе его было поручено Академіей И. И-чу и онъ написалъ объ ней подробный отчетъ, въ которомъ признаетъ за переводомъ А. Н-ча

¹⁾ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Биографическій очеркъ, составленный ко дню юбилея его . . . М. Л. Златковскимъ. Спб. 1888, стр. 80.

очень большія достоинства, но указывает также и недостатки его¹⁾).

Для сравненія съ переводомъ Майкова И. И. приводитъ начало «Слова» въ переводахъ Гербеля и Мел и отдастъ преимущество Майкову. Недостатокъ Майкова онъ видитъ въ томъ, что нѣкоторыя мѣста по его мнѣнію переданы слишкомъ свободно и съ большими прибавками. «Было бы вѣрнѣе и лучше безъ прибавокъ», говоритъ онъ и приводитъ одно изъ такихъ мѣстъ въ другомъ переводѣ, не называя его автора. По всей вѣроятности этотъ переводъ принадлежитъ ему самому:

Взглянулъ Игорь на свѣтлое солнце —
Видитъ: тьмой войска его прикрыты.
И сказалъ онъ: «Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чѣмъ въ плѣну остаться.
Всядемъ, братья, на коней ретивыхъ,
Чтобъ добраться до синяго Дону».
Въ умъ его желанье это спало
И за рвеньемъ покуситься къ Дону
Онъ не видитъ знаменья на небѣ.
«Преломить копье свое о поле
Половецкое хочу я съ вами,
Русичи; лечь головой хочу я,
Или же испить шеломомъ Дону.

Этотъ коротенькій отрывокъ, сохранившійся только въ отчетѣ, можетъ быть и былъ написанъ именно тогда, подъ вліяніемъ работы надъ разборомъ перевода Майкова; по крайней мѣрѣ кромѣ него въ бумагахъ И. И.-ча нѣтъ стихотворныхъ переводовъ изъ «Слова о полку Игоревѣ». Есть

1) Отчетъ этотъ не былъ напечатанъ.

только переводъ въ прозѣ, неполный, недоведенный до конца воззванія Святослава, написанный, судя по почерку, въ концѣ 1840-ыхъ годовъ.

III.

ЛЮБОВЬ КЪ ПРИРОДѢ И КЪ ИСКУССТВАМЪ.

Вспоминая о томъ, какое значеніе въ жизни П. И. Срезневскаго имѣла его любовь къ поэзіи, нельзя забыть, что не только искусство слова, но и всѣ другія искусства, всѣ другія «орудія поэзіи» (по его выраженію) были близки его душѣ. Самъ онъ не владѣлъ ими только по случайности. Но, если онъ не могъ выражать свои мысли и чувства черезъ ихъ посредство, онъ тѣмъ не менѣе любилъ и понималъ ихъ и нуждался въ нихъ для полноты своей духовной жизни.

Припомнимъ замѣтку его, приведенную въ началѣ этого очерка. «Не недостатокъ изящнаго въ природѣ произвелъ поэзію и поэтическое творчество, а напротивъ, избытокъ изящнаго, и тотъ инстинктъ человѣка, который заставляетъ его высказывать всѣ свои внутреннія впечатлѣнія».

Не всѣмъ дано видѣть и чувствовать красоту въ природѣ. У П. И-ча была эта способность въ высокой степени. Прекрасное въ природѣ и въ жизни съ юныхъ лѣтъ до старости вызывало въ немъ всегда радостное чувство; оно соединялось съ грустью, когда онъ бывалъ одинъ, когда не могъ дѣлиться имъ со своими близкими. И когда не могъ онъ испытывать наслажденіе вмѣстѣ съ ними, онъ дѣлился имъ письменно. Въ началѣ 1830-ыхъ годовъ онъ пишетъ своей матери изъ Варваровки, съ восхищеніемъ

описывая Днѣпровскіе пороги, степной пожаръ, ураганъ на Днѣпрѣ и послѣдовавшую за нимъ тишину: . . . «Вы не видали, маменька, этой картины — вы бы залюбовались!» Во время перваго заграничнаго путешествія онъ описываетъ горы, восхищается моремъ, съ восторгомъ говоритъ о впечатлѣніяхъ, которыя производитъ на него природа: «Видъ, которымъ я наслаждался, былъ для меня такъ новъ, такъ поразителенъ, что я былъ внѣ себя. . . , до сихъ поръ передъ глазами все онъ»¹⁾. «Окрестность горитъ, освѣщенная послѣдними лучами солнца, и глаза горятъ радостью, глядя на дивную картину»²⁾. Въ 1860-мъ г., рассказывая о своемъ путешествіи по озерамъ Швеціи, онъ любитъ природой этой страны. И такъ изъ каждаго своего странствія онъ присылаетъ письма, въ которыхъ дѣлится своими впечатлѣніями.

Во время одной изъ послѣднихъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ, въ 1871 г., онъ описываетъ замѣчательное по красотѣ мѣстечко Таормину въ Сициліи, гдѣ онъ остановился, чтобъ осмотрѣть развалины древняго греко-римскаго театра, устроеннаго на уступѣ горы. Интересно привести отрывки изъ его писемъ отсюда:

«Прекрасны сами развалины — тѣмъ болѣе, что по нимъ можно составить себѣ довольно ясное представленіе о древнемъ театрѣ; еще прекраснѣе ихъ положеніе, вся мѣстность, ихъ окружающая. . . Театръ стоитъ на скалѣ, на которую подняться можно только съ одной стороны, южной; съ сѣвера она опускается круто, съ двухъ другихъ сторонъ скалы поднимаются значительно выше того мѣста, гдѣ построенъ былъ театр. . . . Вся вмѣстѣ эта гора мысомъ

¹⁾ Путевыя письма И. И. Срезневскаго, стр. 99.

²⁾ Тамъ-же, стр. 135.

выступает въ море — такъ, что стоя на южной сторонѣ, видишь Этну съ побережьемъ, то ровнымъ, то выступающимъ въ море пологими мысами до Катаньи; а стоя на сѣверной сторонѣ, видишь побережье къ Мессинѣ и горы Калабрія. Поднявшись выше театра и смотря на югъ, видишь обширное высокое море. Сегодня было оно особенно хорошо. Дулъ сирокко; море взволнованное блистало сквозь туманъ и дождь серебристыми вершинами волнъ, и вдали сливалось съ воздухомъ. Кое гдѣ не далеко отъ берега виднѣлись лодочки, какъ маленькія черныя пятнышки. Вотъ одна изъ нихъ подняла свой парусъ, захватила имъ часть вѣтра, и будто поплыла скорѣе, но всетаки очень тихо — какъ маленькая мушка»... «Мы встали сегодня въ 5½ ч., — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, — и одѣвшись, поспѣшили на гору театра, чтобы видѣть восхожденіе солнца надъ моремъ. Мы успѣли придти какъ разъ во время: едва только сѣли на одномъ изъ остатковъ верхней галлерей, откуда можно было хорошо видѣть и море, и Этну, какъ верхушка Этны со своимъ дымкомъ покрылась легкимъ розоватымъ блескомъ; оглянулись на море, и вотъ изъ за моря, на лѣво отъ береговъ Калабріи показался золотисто-оранжеватый край солнца, и затѣмъ почти мгновенно всплылъ и весь шаръ, — будто зажегся. Мало по малу Этна стала краснѣть, свѣтлѣть... Какъ была она хороша въ это время, не покрытая ни облачкомъ, ни туманомъ. Мы не видали еще ее такъ ясно, такъ полно»... «Стоило взойти выше изъ за вида», пишетъ онъ про восхожденіе на Замковую гору надъ Таорминой. «Этны будто нѣтъ, — такъ окутали ее облака. Другія горы стоятъ или вровень, или ниже, гораздо ниже. Деревни, городки, домики, сады, дороги, берегъ моря съ бухтами и мысами — подъ нами,

а само море, туманно-голубое, хоть и ниже насъ, но такъ широко, огромно. Горы Калабріи чуть видны, какъ легкія облака, но и за ними съ боку видно море. Мы стоимъ у провала стѣны или у ея кончика, видя ближе всего подъ собою дикую кручу, боимся другъ за друга, но не за себя, потому что стоимъ безопасно, и не хочется сойти съ мѣста. Переходимъ на другое мѣсто, не менѣе покойное и безопасное, видимъ еще что нибудь новое, и опять хочется стоять и смотрѣть». . . «Послѣ обѣда опять мы были въ театрѣ и на скалѣ ближе къ морю, и остались тамъ до фонарей. Глядѣли на прекрасныя развалины и Этну сквозь нихъ, на берега моря, глядѣли на открытое море, которое отъ Калабріи до Катаньи нельзя обозрѣть разомъ, не поворачивая головы, на заходящее правѣе отъ Этны солнце, и когда оно зашло, опять на море, покрывшееся разноцвѣтными красками отъ темнаго до яркаго свѣтло-розоваго». . . «Видъ съ нашего балкона впрочемъ не много хуже: не видно горы Кастель и другихъ окружныхъ, мало видна Этна, но зато видно горное сѣдло, на которомъ стоитъ театръ. . . . Я хоть и пишу, а всетаки оборачиваю голову къ двери балкона и засматриваюсь на море, сегодня голубое съ бѣловатыми нѣжными полосками, тихое, чудесное». . . «И грустно разставаться съ этимъ восхитительнымъ мѣстомъ — грустнѣе, чѣмъ когда-то было грустно разставаться съ Швеціей, когда я былъ тамъ въ первый разъ, одинъ. . . Милыя дѣти, . . . учитесь рисовать все, что попадется подъ глаза, съ природы, наблюдая правильность размѣровъ. Мы испытали много разъ грусть о томъ, что не можемъ срисовать того, что видимъ. Память не можетъ удержать подробностей безъ общаго, ни общаго безъ кое-какихъ подробностей: ей очень поможетъ очеркъ вида,

сдѣланный карандашемъ, — а сдѣлавши такой очеркъ или, лучше сказать, надѣлавши такихъ очерковъ, расстаешься съ мѣстомъ безъ той грусти, съ какою мы теперь смотримъ на здѣшніе виды. Еще если бы мы были здѣсь всѣ вмѣстѣ, если бы могли всѣ другъ другу и глядя и въ воспоминаніи подсказывать, что стоитъ припомнить! А то мы здѣсь двое, а вы всѣ далеко, и будетъ ли еще кто пзъ васъ здѣсь, — отъ мысли объ этомъ становится еще грустнѣе» . . .

И. И. выражаетъ въ этомъ письмѣ свое горе о томъ, что не умѣетъ рисовать. Но онъ несправедливъ къ себѣ въ этомъ случаѣ. Можетъ быть, въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ и отвыкъ отъ этого умѣнья, но въ молодости онъ рисовалъ много и хорошо. Въ его бумагахъ есть замѣчательно тонкіе рисунки перомъ и карандашемъ, исполненные имъ въ 1826 — 1827 гг. Позже онъ всегда рисовалъ все, что интересовало его и что ему хотѣлось сохранить на память; изъ Варваровки (въ 1832 г.) онъ пишетъ матери, что каждый день ходитъ рисовать виды окружающей мѣстности, и обѣщаетъ привезти съ собою толстый портфель рисунковъ. Во время путешествія по славянскимъ землямъ въ 1839 — 1842 гг. онъ зарисовывалъ и виды, и типы, и наряды, и утварь; въ его архивѣ сохранилось множество этихъ набросковъ — карандашемъ, изрѣдка акварелью. Кромѣ того и въ его письмахъ къ матери попадаются часто рисунки перомъ: ему хотѣлось яснѣе передавать ей свои впечатлѣнія, ближе знакомить ее съ тѣмъ, что онъ видѣлъ. Сохранилось нѣсколько рисунковъ его работы и отъ болѣе поздняго времени; въ томъ числѣ портретъ его матери, нарисованный имъ съ нея, уже умершей.

Открытая къ чувству прекраснаго въ природѣ, душа И. И.-ча была открыта и передъ той красотой, которая

рождается въ мысли, чувствѣ и воображеніи человѣка. Еще въ разсказѣ его «Rhapsodia sonatina», о которомъ упомянуто выше, выразилось его пониманіе и чутье въ области изобразительныхъ искусствъ. Тогда уже было видно въ немъ то направленіе мысли, которое впоследствии опредѣлилось ясно. Для него произведеніе всякаго художества можетъ быть только тогда проявленіемъ поэзіи, когда оно возвышаетъ мысль и облагораживаетъ чувство, когда оно исполнено чистоты, достоинства и простоты.

Во время своего путешествія 1839 — 1842 гг. И. И. ознакомился съ многими произведеніями искусства.

Интересно описаніе перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него Сикстинской Мадонной. Онъ пишетъ своей матери изъ Дрездена въ октябрѣ 1840 г.:

«Утромъ и вчера и сегодня ходилъ въ картинную галерею. Что за галерея! Слишкомъ 2000 картинъ, и какія есть! — Прежде всего о препрославленной Рафаелевой Мадоннѣ. Рафаеля такъ хвалятъ и Рафаель такъ мало удовлетворялъ моему ожиданію, что я прежде всего пошелъ отыскивать эту Мадонну, чтобы или увѣриться, что для живописи должна еще наступить эпоха, или пасть передъ доселѣ непонятнымъ мною геніемъ Рафаеля. Отыскать было не трудно: около нея всегда много зрителей . . . Держа на правой рукѣ Спасителя, она паритъ на облакахъ; св. Варвара на лѣво у ногъ ея опустила глаза въ землю, папа Сикстъ на право молится — оба тонутъ въ облакахъ; въ самомъ низу, облокотившись на доску, два ангельчика смотрятъ на публику; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Дѣвы и Спасителя; въ небѣ, вверху, какъ сквозь туманъ видны тысячи ангельскихъ головокъ. Я сѣлъ, и съ полчаса смотрѣлъ, не сводя глазъ . . . Если для Богоматери довольно

одной чистой невинности, то Рафаэль достигъ своей цѣли: лучше выразить и отгѣнить невинность невозможно. Чѣмъ болѣе глядишь, тѣмъ болѣе понимаешь святость невинности, тѣмъ болѣе проникаешься чувствомъ, что никакая красота не можетъ быть сравнена съ невинностію. . . . Но . . . и тутъ я вѣрно показался бы смѣшнымъ для многихъ живописцевъ. Между картинами Венеціанской школы я замѣтилъ одну — Петра Ротари — Ночь бѣгства св. семейства: Божія Матерь держитъ на лѣвой рукѣ Спасителя, а правую приподняла немного, и мыслію несяся къ Богу, ему поручаетъ судьбу свою и Младенца. Сзади смотреть Іосифъ на Младенца: въ одномъ углу оселъ пить воду, въ другомъ какіа-то двѣ женщины, на верху ангелы въ разныхъ положеніяхъ. Ночь; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Младенца. Обѣ обстановкѣ ни слова; но сколько величія въ выраженіи лица Божіей Матери: та же невинность, и тутъ-же святое чувство преданности Богу и надежды на Его помощь. Божія Матерь Ротари мнѣ правится болѣе нежели Рафаелева, болѣе меня одушевляетъ. Всѣ другія Мадонны мнѣ не нравятся, ни даже Мадонна моего стараго пріятеля Франчески Франчинъ. Въ слѣдующемъ письмѣ Н. И. дополняетъ свое описаніе Сикстинской Мадонны: «Лице Св. Дѣвы — красота и невинность, тѣмъ болѣе поразительная, что ее не видишь ни на одномъ изъ другихъ лицъ: лице Младенца выражаетъ какую то буйность, разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; св. Барбара немножко кокетка; папа лице портретное; ангельчики — жирныя дѣти. — Теперь спрашиваю васъ: поправилась-ли бы вамъ такая Мадонна? И спрашиваю себя: ужели я не могу восхищаться только потому, что другіе восхищались, и что самъ я не могу написать ни такъ, ни въ тысячу разъ хуже? Я не говорю о такъ называемой

правильности, о которой судить может только тотъ, кто изучилъ анатомію и перспективу: но мысль . . . она всякому приступна. Мысли — я не вижу въ этой картинѣ. Папа молится, но Святая Дѣва не обращаетъ на него никакого вниманія, а Младенецъ занятъ совершенно другимъ; ангельчики смотрятъ на публику, а св. Варвара на нихъ: что-же тутъ цѣлаго? Если бы я былъ Рафаелемъ и долженъ былъ писать картину въ такихъ предѣлахъ, я бы сдѣлалъ такъ: вмѣсто ангельчиковъ поставилъ бы людей молящихся, лице Варвары выражало бы «молитесь», а ликъ Святой Дѣвы долженъ былъ бы выражать не только невинность, но и упованіе на Бога и на Того, кого матерью быть избрана Богомъ. . . Впрочемъ невинность Святой Дѣвы — такая невинность, какая можетъ быть только у Святой Дѣвы и какую написать могъ одинъ Рафаель. Еще два слова: мнѣ кажется, — или я гдѣ-то читалъ, — что картина эта не до чиста отдѣлана, и думается, что если бы Рафаель совершенно докончилъ ее, то на лицѣ Святой Дѣвы увидѣли бы не только невинность, но и вѣру. Невинность и вѣра — это все, что можетъ небесно утѣшать, возносить къ небу земное. — Въ той же комнатѣ есть три Мадонны Корреджіо и нѣсколько другихъ: глядя на нихъ, понимаешь величіе Рафаеля, отворачиваешься отъ нихъ. Только въ Святой Ночи Корреджіо поражаетъ мысль: вся картина освѣщена свѣтомъ, исходящимъ отъ родившагося Младенца, и одни пали передъ нимъ, другіе же не могутъ сносить своими преступными глазами чистоты божественнаго свѣта. За то сама Богоматерь — обыкновенная женщина»¹⁾.

Любимыми картинами И. И-ча изъ произведеній старин-

1) Путевыя письма И. И. Срезневскаго, стр. 167.

ныхъ мастеровъ были Мадонна della sedia Рафаеля во Флорентинской галлерей Питти и Вознесение Божьей Матери Мурильо въ Эрмитажѣ (иначе называющееся Зачатиемъ). По поводу Мадонны Рафаеля любопытно вспомнить одинъ эпизодъ. И. И. въ первый разъ увидѣлъ эту картину въ 1860-мъ г. и былъ до глубины души тронутъ выраженіемъ лица Божьей Матери. Когда онъ во второй разъ прѣѣхалъ во Флоренцію въ 1871-мъ г., впечатлѣніе было сначала совсѣмъ иное. Это его изумило и сильно огорчило; онъ готовъ былъ приписать причину этого себѣ самому, тому, что онъ съ годами сталъ суше, что произведенія художества дѣйствуютъ на него меньше. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ своей женѣ:

«Боже мой . . . , какъ я очерствѣлъ! Мы пошли прямо къ Мадоннѣ Рафаеля. Я готовъ былъ бѣжать, чтобы скорѣе ее увидѣть. И что же! Точно все вылиняло въ этомъ изображеніи, которое когда-то дало душѣ моей столько наслажденія и закрѣпило его, казалось, въ ней навсегда. Я вглядывался, искалъ того, что находилъ прежде, и готовъ былъ плакать, но не такъ, какъ прежде—отъ благоговѣйной радости, а скорѣе отъ горя по уtratѣ. Мы воротились нѣсколько разъ къ этому образу, нельзя было не пайти, что онъ лучше всѣхъ, но не того мнѣ бы надо было. Мнѣ не надо было видѣть ни припухлыхъ губъ, ни излишней, какъ будто поддѣланной нѣжности кожи . . . Надобно будетъ воротиться опять къ ней. Авось либо я найду опитъ то, чего не могъ найти сегодня. Ужели и во всемъ, во всемъ слабость глазъ моихъ не допустить находить меня того, что прежде я видѣлъ . . . Не дай, Боже».

На слѣдующій день И. И. опять пишетъ:

« . . . И опять я всматривался въ Мадонну Рафаеля, три

раза ворочался къ ней, и наконецъ какъ будто всмотрѣлся. Мнѣ надобно было то, что свѣтитъ изъ за глазъ, а припухлыя губы тянули мои глаза къ себѣ. Точь въ точь какъ и въ дѣйствительной жизни, когда всматриваешься въ людей: въ душѣ ихъ нашлось бы многое, можетъ быть, что бы должно было заставить насъ видѣть въ нихъ доброе, да мѣшають какія нибудь странности или ничего не значащія недостатки или излишества. Какъ былъ я радъ, что нашелъ въ Мадоннѣ хоть часть утраченнаго. Значить, я еще не совершенно изсохъ. За тѣмъ я уже ни на что не хотѣлъ смотрѣть, какъ будто боялся потерять найденное сокровище».

И на другой день онъ снова пишетъ:

«Мы сегодня опять были въ Uffici и у Питти, и опять три раза подходили къ сидящей Мадоннѣ, и опять на мгновеніе ворочалось ко мнѣ то чувство, которымъ я когда то въ дѣйствительности жилъ такъ полно и потомъ и въ воспоминаніи. Мы привеземъ, Богъ дастъ, фотографію этого чуднаго образа».

Въ Муриллевскомъ «Зачатіи Божьей Матери», которое такъ любилъ И. И., удивительно слилась дѣвственная чистота Святой Дѣвы съ восторженнымъ возношеніемъ ея мысли къ Богу. Это какъ бы воплощеніе ея словъ: «Величить душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ, Спасѣ моемъ». Въ ней И. И., вѣроятно, хоть отчасти находилъ то, что ему такъ хотѣлось видѣть въ Сикстинской Мадоннѣ — соединеніе невинности и вѣры.

Въ 1875 г. И. И. посѣтилъ въ Брюсселѣ музей бельгійскаго живописца Вирца (1806 — 1865 гг.), и былъ пораженъ и самообытностью его мысли, и смѣлостью выбора предмета, и удивительнымъ разнообразіемъ харак-

тера его работы. Онъ пишетъ въ письмѣ домой, что Вирцъ «заставляетъ страшиться, плакать, хохотать, и приковываться глазами къ тому, что онъ написалъ, или смѣяться, какъ надъ острымъ словомъ». . . «Что до величины картинъ, то есть нѣсколько длиною около $4\frac{1}{2}$ сажень . . . ; одна при ширинѣ въ 4 саж. поднимается въ верхъ почти до 6 сажень... Эти величины не мѣшали художнику дѣлать свои лица очень выразительными, а иныя прекрасными, только конечно не для глаза, стоящаго у самого полотна. Нѣкоторыя изъ картинъ естественнаго размѣра, напротивъ того, поражаютъ нѣжностью накладки красокъ: глядя на нихъ изблизи, видишь не краски, а тѣло, ткань, кожу и т. д.»

Изъ произведеній русскаго искусства И. И. особенно цѣнилъ картину Иванова «Явленіе Христа народу», хоть и не все находилъ въ ней безукоризненнымъ. Къ числу его любимыхъ произведеній принадлежали также картины Бруни «Моленіе о чашѣ», Флавицкаго «Христіанскіе мученики въ Колизеѣ», Чистякова «Софья Витовтовна» и нѣкоторыя другія.

Скульптура, какъ кажется, не производила на И. И.-ча впечатлѣнія настолько же сильнаго, какъ живопись, и въ его письмахъ рѣдко встрѣчаются описанія произведеній ваянія. Но онъ цѣнилъ многія изъ нихъ и не пропускалъ случая видѣть какъ то, что сохранилось отъ древности, такъ и то, что создавалось вновь. Онъ признавалъ значеніе этого искусства и какъ воспитатель: знакомилъ своихъ дѣтей съ лучшими произведеніями скульптуры, всегда стремясь къ тому, чтобъ имъ былъ открытъ и этотъ путь къ познанію духовной красоты.

Любя искусства, И. И. дорожилъ и сношеніями съ художниками. Въ бытность свою въ Римѣ въ 1871 г. онъ пишетъ:

«Совѣстно было оставаться въ Римѣ, не увидя никого изъ художниковъ русскихъ, въ немъ работающихъ; и вотъ я пошелъ сегодня ихъ отыскивать. Очень близко отъ насъ есть одна кофейня, *Café гресо*, въ которой бывають художники. Я пошелъ въ нее, и у хозяина узналъ адресъ того изъ русскихъ художниковъ, который, какъ онъ сказалъ, всего давнѣе здѣсь... Это Мих. Боткинъ. Я поѣхалъ къ нему на берегъ Тибра и нашелъ его въ его студи, т. е. въ комнатѣ, гдѣ онъ работаетъ. Это довольно большая, высокая, сѣрая и вмѣстѣ свѣтлая комната, обставленная старинной мебелью, разными старинными вещами, бюстами, торсами, мольбертами, и между всѣмъ этимъ за картиной нашелъ красиваго молодого человѣка, одного изъ братьевъ Боткиныхъ, занимающагося живописью и вмѣстѣ археологіей. Я провелъ съ нимъ нѣсколько времени очень пріятно. Пришелъ и другой русскій художникъ, Постниковъ, работающій въ своей студи въ томъ же домѣ. Послѣ полудня мы пошли вмѣстѣ съ ними завтракать русскія щи (*supra russa*) и тутъ нашли еще нѣсколько русскихъ художниковъ, а потомъ въ Кафе Греко, гдѣ нашли еще двухъ. Все это бравые ребята, скромные, но самостоятельные и умные, а Боткинъ, сколько я могъ замѣтить, и очень образованъ».

Въ числѣ художниковъ, съ которыми познакомился И. И. въ Римѣ, былъ и скульпторъ Чижевъ. И. И. замѣчаетъ объ немъ, что «будетъ онъ славный ваятель».

Въ 1875-мъ г. И. И. посѣтилъ въ Парижѣ мастерскую В. Д. Полѣнова, котораго любилъ не только какъ художника. Съ его отцомъ и матерью онъ былъ близокъ издавна, семьи ихъ были дружны между собою, дѣтей ихъ сближали и общія игры и, позднѣе, совмѣстныя особаго рода занятія, «литературные вечера», руководителемъ которыхъ былъ

И. И. Сердечно радовался И. И. постепенному развитію юноши Полѣнова, радовался, что онъ, несмотря на то, что рѣшилъ посвятить всѣ свои силы и время любимому искусству, всетаки нашелъ возможность обогатить себя и общими университетскимъ образованіемъ. Горячо привѣтствовали онъ его картину-программу «Воскрешеніе дочери Іаира», за которую В. Д. получилъ большую золотую медаль и право на заграничную поѣздку. По благородству концепціи и красотѣ исполненія И. И. считалъ эту картину лучшею изъ всѣхъ конкурировавшихъ съ нею, также получившихъ золотыя медали. Не суждено было И. И-чу дожить до полнаго развитія художественной силы Полѣнова: онъ зналъ только его «Герцогиню Колинны» и «Право синьора»; послѣднюю видѣлъ въ его мастерской въ Парижѣ. Тамъ же въ Парижѣ В. Д. показывалъ ему эскизъ картины «Блудный сынъ», которую онъ тогда задумалъ; какъ кажется, картина эта не была исполнена. Можно себѣ представить, какую радость доставили бы И. И-чу «Грѣшница» и циклъ «Изъ жизни Христа».

Изъ художниковъ И. И. былъ особенно близокъ съ П. П. Чистяковымъ, впоследствии профессоромъ Академіи Художествъ, знаменитымъ учителемъ Полѣнова, Рѣпина Сѣрова, Врубеля и многихъ другихъ. Знакомство ихъ началось, когда П. П. былъ еще молодымъ человѣкомъ. И. И. очень цѣнилъ его какъ художника, любилъ его картины, уважалъ его свѣтлый умъ, его самостоятельныя и безпристрастныя сужденія, выражавшіяся ярко, оригинально и мѣтко. И до своей заграничной поѣздки, и по возвращеніи изъ нея П. П. давалъ уроки рисованія въ семьѣ Срезневскихъ, и И. И. почти каждый разъ приходилъ на урокъ, чтобы воспользоваться случаемъ побесѣдовать съ П. П-мъ.

объ искусствѣ и дать возможность своей учащейся молодежи знакомиться съ его взглядами и вникать въ его мысли. Случалось даже, что онъ иногда нарочно какъ бы не соглашался съ нимъ, чтобъ вызвать его на болѣе сильныя доказательства своихъ мнѣній.

Изъ всѣхъ искусствъ И. И. особенно любилъ музыку. Онъ всегда жалѣлъ, что въ дѣтствѣ не подчинился желанію матери и не сталъ учиться играть на какомъ-нибудь инструментѣ. Но Елена Ивановна и безъ того сумѣла развить въ немъ музыкальное чутье и вкусъ. Не овладѣвъ музыкой, какъ техникой, онъ вдумался въ нее и понялъ въ ней языкъ поэзіи. Самъ не умѣя играть, онъ любилъ слушать игру другихъ и слушалъ такъ, что играющему было удовольствіемъ и радостью играть для него; его замѣчанія, его сужденія давали исполнителю новыя, болѣе ясныя мысли, возбуждали въ немъ болѣе живыя чувства, вызывали болѣе яркое ихъ выраженіе.

Врожденная музыкальность его проявилась между прочимъ особымъ образомъ. Въ молодости, какъ рассказывалъ онъ, у него бывало нѣчто въ родѣ галлюцинацій слуха; въ минуты покоя, передъ сномъ, или просто во время отдыха, онъ иногда слышалъ музыку, большею частью оркестровую. Этой музыкой онъ могъ управлять по своему желанію: стоило ему захотѣть — и измѣнялся ея характеръ, инструменты замѣнялись одни другими, звуки выражали то, что онъ желалъ выразить. Эти минуты доставляли ему высокое наслажденіе. Онъ говорилъ, что никогда не слыхалъ музыки, болѣе прекрасной.

Въ исполненіи музыкальныхъ произведеній И. И. цѣнили не столько виртуозность, сколько выразительность. И музыка, проникнутая выраженіемъ, способна была

производить на него чрезвычайно сильное дѣйствіе; она могла трогать его до слезъ, могла успокаивать въ немъ волненіе и тревогу, могла смягчать удрученное состояніе духа.

Съ юности И. И. вслушивался въ народныя пѣсни во время своихъ поѣздокъ по Украинѣ; не удовлетворяясь записываньемъ ихъ текста, онъ выучился записывать и напѣвъ и составилъ у себя ихъ собраніе. Это видно изъ одного письма его изъ Петербурга къ матери, въ которомъ онъ рассказываетъ о своемъ знакомствѣ съ кн. В. Ѳ. Оловескимъ, извѣстнымъ писателемъ и музыкантомъ. Оловескій жалѣетъ, «что я не запаса свѣдѣніями музыкальными», пишетъ онъ, «что этого рода свѣдѣнія не вошли у насъ въ обычай; просилъ сообщить ему мое собраніе малороссійскихъ голосовъ, проиграть и исправить ошибки переписки»¹⁾.

Украинскія народныя пѣсни, особенно думы, производили на И. И-ча въ молодости сильное впечатлѣніе; много лѣтъ спустя, оно живо вспомнилось ему и воскресло въ немъ, когда, уже почти старикомъ, ему пришлось снова услышать бандуриста. Это было въ 1874 г. въ Кіевѣ, во время археологическаго сѣзда. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ домой:

«Вечеромъ надо было быть въ засѣданіи, чтобы слушать бандуриста. И въ самомъ дѣлѣ было что послушать. Старикъ лѣтъ 70-ти подъ бандуру напѣвалъ разныя думы — о бурѣ на Черномъ морѣ, о плѣнномъ казакѣ, о трехъ братьяхъ въ плѣну турецкомъ, о смерти казака на битвѣ и др. Слишкомъ за сорокъ лѣтъ я слышалъ и запи-

¹⁾ Путевыя письма И. И. Срезневскаго, стр. 28.

сывалъ эти думы отъ подобныхъ бандуристовъ. Слушая ихъ вновь, я припоминалъ иногда выраженія и стихи, запечатлѣвшіеся въ памяти,—и точно жилъ жизнью давно прожитою. Не поразила меня какъ другихъ, между прочимъ и О. О. Миллера, выразительность выпѣванья нѣкоторыхъ словъ и ихъ концовъ: она была мнѣ знакома; но слушать равнодушно я не могъ: я готовъ былъ плакать, какъ плакать когда-то, записывая эти думы съ голоса. Не жаль мнѣ было, что это прошедшее мое минуло такъ давно, а было даже пріятно, что я и до сихъ поръ не очерствѣлъ къ тому, что было дорого мнѣ, юношѣ. Жаль мнѣ было только, что нѣтъ здѣсь васъ, мои милые, что не слышитъ ни бандуры, ни голоса старика, поющаго думу, Боря: я увѣренъ, что впечатлѣніе это не прошло бы безслѣдно».

Во время своего путешествія по Славянскимъ землямъ въ 1839—1842 гг. И. И. нерѣдко записывалъ народныя напѣвы, какъ это было уже упомянуто выше. Вездѣ, гдѣ было можно, онъ посѣщалъ концерты и оперу. Онъ говорилъ объ этомъ въ письмахъ къ матери; между прочимъ рассказываетъ содержаніе «Сотворенія мира» Гайдна, которое ему удалось слышать въ Вѣнѣ:

«Впечатлѣній передать вамъ не могу; скажу только, что я плакалъ, не могъ удержаться, сколько ни старался. — А вотъ содержаніе ораторіи: — Вступленіе громовито; только иногда громы смолкаютъ, и нѣжный, стройный, тихій, но могущественный голосъ отъ скрипки къ скрипкѣ, отъ віолончели къ флейтѣ, и—опять громъ и трескъ. Далѣе архангелъ Рафаилъ (Штаудигль—басъ) поетъ: «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, и земля была безъ образа и пуста, и тьма лежала надъ глубиною». Хоръ ангеловъ: «И духъ Божій носился надъ водами, и Богъ молвилъ: Будь

свѣтъ, и сталъ свѣтъ». Архангелъ Уріилъ (Лосъ — тепоръ): «И Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы», — и далѣе поетъ пѣсню о первомъ днѣ и паденіи демоновъ. Хоръ: «Съ отчаяніемъ, дробью, ужасомъ пали они — и новый свѣтъ возсталъ по Божью слову». Архангелъ Рафаилъ: о сотвореніи тверди и пѣсню о воздушныхъ явленіяхъ. Архангелъ Гавріилъ (Гассель-Бартъ — дискантъ) — пѣсню хвалы Творцу. Хоръ повторяетъ. Рафаилъ: объ отдѣленіи суши отъ водъ и пѣсню о морѣ и рожденіи скалъ, потоковъ, рѣкъ. Гавріилъ: «Да будетъ зелень, деревья, плоды» — и пѣсня. Уріилъ съ хоромъ поетъ хвалу Богу, и потомъ: о звѣздахъ, солнцѣ и мѣсяцѣ. Далѣе тріо (три архангела): «День дню и ночь ночи повѣдаютъ славу Его, — и слово Его идетъ по свѣту, звучное для всякаго слуха, и ничьему слуху не чуждое». Хоръ повторяетъ. Финаль оканчиваетъ первое отдѣленіе. Вотъ мѣста, гдѣ я не могъ удержаться отъ слезъ: «И сталъ свѣтъ», «Колышется море», «И мѣсяцъ восходитъ» (это неподражаемо: начинаютъ низкіе инструменты — контрабасы, барабаны, но едва слышно, потомъ пристають віолончели, далѣе альти, а между [тѣмъ] контрабасы и барабаны уже едва слышны, далѣе скрипки — и все тихо, и медленно, и все скорѣе, все громче); послѣдній хоръ и конецъ тріо «ничьему голосу не чуждое, ничьему!... ничьему? — ничьему!» 2-ое отдѣленіе. Гавріилъ: «И Богъ молвилъ: да будутъ живыя творенія и птицы», и пѣсню: «На могучемъ крылѣ паритъ гордо орелъ, и мчится къ солнцу; жаворопокъ веселой пѣсню встрѣчаетъ утро, и о любви воркуетъ (giggt) пара голубковъ, а по рощамъ раздаются соловьи — еще не тосковали они». Я опять въ слезы; а мѣсто о парѣ голубковъ было выше слезъ. Рафаилъ: о созданіи рыбъ. Тріо. Рафаилъ: «И Богъ рекъ: да будутъ звѣри», и потомъ пѣсню. Уріилъ:

«И Богъ создалъ человѣка по образу своему, и далъ ему душу». Общая пѣсня о человѣкѣ — простая, но достойная человѣка. Тріо. Хоръ. Аллилуія. Въ третьемъ отдѣленіи остается одинъ Уріилъ, и являются Адамъ и Ева (Штаудигль и Гассель-Бартъ). Они поютъ пѣсню хвалы Богу, и еще одинъ дуетъ (превосходный) о своей любви. Хоръ. Финалъ. — Музыка исполнила свое дѣло чудесно; пѣвчіе было мало чѣмъ хуже нашихъ (дишканты плохи — это были ученики). Штаудигль пѣлъ съ чувствомъ, но это не протодьяконскій басъ. Гассель-Бартъ была превосходна: ея партія чрезвычайно трудна и разнообразна, но слушатель не могъ замѣтить ни въ ея голосѣ, ни въ движеніяхъ, гдѣ ей трудно. О согласіи цѣлаго я не говорю. — Давно я не наслаждался такъ, — и никогда не жалѣлъ болѣе, что васъ нѣтъ: мы бы забрались въ уголокъ ложи и вдоволь бы наплакались. Въ одиночку меньше чувствуешь»¹⁾.

Въ Берлинѣ въ 1839 г. И. И. слышалъ Дрейшока, «родомъ чеха, и считающагося теперь членомъ тріумвирата, гдѣ два другіе члена — Тальбергъ и Листъ». «И этого Листа, Юлія Цезаря въ этомъ тріумвиратѣ», пишетъ онъ, «я слышалъ въ то же утро... Такъ мягко, дьяволъ, играетъ, что когда уже слухъ отказывается слушать, все еще есть что слышать; такое *molle*, такое *piano*, такое *sotto voce*, и тутъ же такіе пассажи и лѣвой и правой, такое выраженіе, что мнѣ — даже стало завидно, даже перестало быть завидно. Хлопали ему такъ, что ушамъ больно было. За то онъ сыгралъ еще двѣ пьесы на прибавокъ, и сыгралъ лучше, нежели то, что сыгралъ по обѣщанію... Ну Листъ!»²⁾.

¹⁾ Путевыя письма, стр. 266.

²⁾ Путевыя письма, стр. 70.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ И. И. пишетъ, что Листъ его «не восхищалъ, а только изумлялъ»¹⁾.

Въ Прагѣ И. И. познакомился съ знаменитымъ чешскимъ композиторомъ Томашкомъ. Онъ пишетъ объ немъ:

«Глубоко ученый теоретикъ, превосходно знаетъ исторію музыки, большой пуристъ: но играетъ безъ большого чувства, хоть и фантазируетъ чудо-мастерски. Въ бумажникѣ случилась у меня одна силезская пѣсенка. Онъ взглянулъ на нее, сѣлъ, взялъ нѣсколько дюжихъ аккордовъ, сыгралъ два раза тему, потомъ опять нѣсколько аккордовъ, — и затянулъ маршь, даѣе польскій, даѣе мазурку, даѣе казачка, даѣе чешскій рейдовакъ, между ними нѣсколько вариаций простыхъ, — я думалъ конца не будетъ... онъ раскраснѣлся, какъ ракъ... Выбившись изъ силъ, онъ перешелъ опять въ польскій, въ которомъ нельзя было не слышать, какъ толпа расходится въ разныя стороны, тамъ болтаешь, тутъ смѣется, уходитъ все даѣе, пѣсня слышна все менѣе, — и фантазія кончилась ауканьемъ. Черезъ четверть часа онъ принялся за другую. Видно, что подъ его рукою клавиши, что буквы подъ перомъ. Онъ уже старъ, за 60, но здоровъ, толстъ, жиренъ, какъ быкъ, и ростомъ не менѣе быка. Веселый человекъ; очень милъ, когда слышитъ себѣ похвалы; бранить Листа за галиматью, гордится Дрейшомъ, какъ ученикомъ, живетъ прекрасно»²⁾.

Впослѣдствіи, занятый всегда своими учеными работами, И. И. не часто посѣщалъ концерты; но все же онъ постоянно со вниманіемъ слѣдилъ и за успѣхами родной музыки и за всѣмъ, что появлялось интереснаго въ этой области

¹⁾ Путевыя письма, стр. 143.

²⁾ Путевыя письма, стр. 183.

въ чужихъ краяхъ. Между прочимъ онъ повезъ своихъ дѣтей на тотъ концертъ, гдѣ въ первый разъ выступилъ съ своимъ музыкальнымъ произведеніемъ — 1-й симфоніей — юноша Римскій Корсаковъ, только что окончившій Морской корпусъ. Вагнеромъ И. И. очень интересовался, хотя и не все въ немъ ему нравилось и не всѣ его нововведенія были ему по душѣ. Когда Вагнеръ пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ не упустилъ возможности быть на его концертѣ. Тогда между прочимъ былъ исполненъ «Полетъ Валькирій», поразившій И. И-ча своею силою и яркостью.

Глинка былъ, конечно, однимъ изъ его любимцевъ. Онъ слушалъ съ удовольствіемъ не только его оперы, но и рѣдко тогда исполнявшіяся увертюры—Арагонскую хоту и Ночь въ Мадридѣ. Отправляясь въ заграничныя поѣздки въ 1860-хъ и 1870-хъ годахъ, онъ бралъ съ собою эти увертюры и также музыку къ Князю Холмскому, чтобы при случаѣ знакомить съ этими произведеніями своихъ пріятелей-иностранцевъ. Его любимымъ исполнителемъ вокальной музыки былъ знаменитый бастъ О. А. Петровъ.

Въ числѣ современныхъ музыкантовъ, которыхъ онъ цѣнилъ, надобно упомянуть В. И. Главача. Главачъ, пріѣхавшій въ Россію еще юношей, былъ принятъ въ семьѣ Срезневскихъ съ радушіемъ и лаской, какъ и многіе изъ славянъ, пріѣзжавшихъ сюда. И. И. всегда старался всѣмъ имъ помочь. Первые уроки, которые получилъ Главачъ, были доставлены ему И. И-чемъ, въ его семьѣ.

Въ семейномъ кругу И. И-ча всегда бывало много музыки. Кромѣ матери его, рано, впрочемъ, переставшей играть по слабости здоровья, въ семьѣ его былъ музыкантъ, братъ его жены, А. О. Тюринъ, превосходный пѣвистъ и композиторъ, любитель и собиратель народныхъ пѣсенъ.

Жена А. О-ча, урожденная Грюнбергъ, была также извѣстная пѣлистка, дававшая концерты съ восьмилѣтняго возраста; ея сестра, И. Л. Грюнбергъ (впослѣдствіи по мужу Ласкось), прекрасная пѣвица, извѣстная во всемъ музыкальномъ мѣрѣ Петербурга, пѣвавшая съ Глинкой, Даргомыжскимъ, подъ аккомпаниментъ Рубинштейна, нерѣдко доставляла Срезневскимъ удовольствіе своимъ пѣніемъ.

И. И. старался развивать любовь къ музыкѣ и въ своихъ дѣтяхъ. По его желанію всѣ они учились играть; тѣ, которыя были способнѣе, занимались серьезно. Самъ онъ приучилъ ихъ съ малолѣтства пѣть вмѣстѣ и часто подбиралъ для этого къ любимымъ стихотвореніямъ подходящую музыку — всегда или изъ народныхъ пѣсенъ, или изъ произведеній лучшихъ композиторовъ. Такъ, стихотвореніе Дельвига «Сегодня я съ вами пирую, друзья» пѣлось подъ одну изъ мелодій Бетховена. Когда дѣти подросли, онъ пріохотилъ ихъ устроить совмѣстную игру на разныхъ инструментахъ и для него было большою радостью, когда они это полюбили и стали самостоятельно приписывать пьесы для исполненія вмѣстѣ. Въ выборѣ пьесъ онъ самъ принималъ участіе. Съ сердечной отрадой слѣдилъ онъ за музыкальными успѣхами двухъ изъ своихъ дѣтей — сына и младшей дочери. Въ то время уже не была въ живыхъ его мать, любившая музыку, какъ и онъ. Для нея, какъ и для него, были бы радостью успѣхи его дѣтей, и ему недоставало ея, когда онъ ихъ слушалъ. Случалось, что у него вырывались слова: «Еслибъ маменька могла это слышать!».

Въ 1870-хъ годахъ большое удовольствіе доставлялъ И. И-чу своимъ пѣніемъ Т. И. Филипповъ, любитель, собиратель и замѣчательный исполнитель народной музыки.

Никто не умѣлъ такъ пѣть народныя пѣсни, какъ Т. И., никто не умѣлъ передавать ихъ характеръ съ такою тонкостью и красотой. Видя, какъ всѣмъ у И. И-ча нравятся пѣсни, Т. И. набралъ изъ слушавшей его тамъ молодежи хоръ, который могъ бы сопровождать его пѣніе, обучилъ его и сталъ устраивать настоящіе хороводы. Главной его помощницей, исполнявшей и партію соло, была его молоденькая дочь Н. Т., наследовавшая отъ отца способность передавать народный характеръ пѣсни. Не разъ Т. И. привозилъ съ собою къ И. И-чу И. О. Горбунова, также большого мастера пѣть русскія пѣсни, и тогда они въ сопровожденіи хора, всѣ въ народныхъ костюмахъ, импровизировали цѣлыя представленія.

О томъ, какое впечатлѣніе производило на И. И-ча драматическое искусство, даютъ понятіе два его письма 1839 г. изъ Петербурга—объ игрѣ Асенковой и знаменитой танцовщицы Тальони, которая поражала выразительностью, драматизмомъ своей мимики, своихъ позъ и движеній. «Я не воображалъ», пишетъ онъ, «чтобы балетъ могъ имѣть на меня какое-нибудь сильное вліяніе, кромѣ развѣ самаго непріятнаго, не воображалъ, потому что не могъ себѣ представить, чтобы мнѣ могла понравиться искусственность, почти совершенно отрѣшенная отъ естественности, — и . . . Запавѣсь поднимается, великолѣпная музыка отдаетъ звуки за звуками, душа сотрясается, — передо мною комната нѣмецкаго рыцаря, съ очагомъ, въ которомъ чуть тлѣетъ огонь. Оруженосецъ у дверей, рыцарь спитъ ближе на креслѣ. У ногъ рыцаря, на колѣнахъ, оперши руку о ручку кресла и головку о руку, и устремивши глаза на рыцаря, стоитъ что-то недвижно-прекрасное. Музыка развертывается, сгущается, волнуется, — недвижимо-прекрасное

остается безъ движенія, какъ мраморная статуя, чувствуешь жизнь только въ глазахъ, все всматривающихся въ рыцаря. Идешь, наслаждаешься, теряешь понятіе о времени. И вдругъ Сильфиды вспархиваетъ какъ тѣнь и начинаетъ облакомъ виться около спящаго рыцаря, вьется, обходитъ, отходить, приходитъ, облетаетъ разъ, другой, третій, становится на колѣни передъ рыцаремъ, взлетаетъ сзади и, сложивши ручки, опустивши головку, снова недвижимо всматривается въ рыцаря, недвижимо стоя въ воздухѣ, опять летитъ, опять прилетаетъ, цѣлуетъ рыцаря въ лобъ, летитъ прочь». . . «Эта первая сцена, наслаждаясь которою и любящъ вмѣстѣ съ Сильфидой, и грустишь о Сильфидѣ за рыцаря, такъ очаровала меня, что я готовъ былъ себя проклинать, какъ могъ я не постигать возможности выразить въ балетѣ все, что можетъ быть изящнаго и высокаго въ чувствѣ. Впрочемъ слѣдующія сцены гораздо хуже; кромѣ послѣдней, гдѣ Сильфиды, уже лишенная неземности, умираетъ какъ человѣкъ»¹⁾).

Впечатлѣніе, произведенное игрою Тальони въ описанной сценѣ, было такъ сильно, что И. И. вспоминалъ о немъ больше, чѣмъ тридцать лѣтъ спустя и, говоря о значеніи и могуществѣ мимики въ драматическомъ искусствѣ, приводилъ Тальони, какъ образецъ. Надо сказать впрочемъ, что любителемъ балета онъ не сдѣлался.

Въ другомъ письмѣ И. И. рассказываетъ объ игрѣ знаменитой въ то время актрисы Асенковой, которая тронула его особенно потому, что выражала чувство, болѣе другихъ близкое его душѣ: «. . . Нѣкоторые изъ актеровъ, если не всегда, то во многихъ сценахъ, исполняли роли свои

¹⁾ Путевыя письма, стр. 31.

прекрасно. Каратыгина 1-й въ роли Велисарія былъ почти всегда превосходенъ; Каратыгина, въ роли жены, также; Брянскій — Юстиніанъ — также; Елену, дочь Велисарія, играла Асенкова, милочка собою и актриса съ высокимъ дарованіемъ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ дочернему чувству, — и какая милочка! . . . Не подумайте, маменька, что я въ нее влюбился; но, право, она такъ мила — переодѣтая въ мальчика, такъ любитъ отца, такъ понимаетъ его, такъ угадываетъ всякое чувство его, всякое желаніе, что, взглянувши на нее, не хочешь вспомнить о Тальони, а все бы на нее смотрѣлъ. Вся душа моя наслаждалась чувствомъ изящнаго и высокаго, небснаго. Не женщину видѣлъ я въ ней, а дочь, которой и въ раѣ не будетъ лучшей. Я плакалъ, я забывалъ и присутствіе толпы людей вокругъ меня, и содержаніе драмы, и игру Каратыгиной, Брянскаго и другихъ, и самого себя наконецъ, — все глядѣлъ на отца и на дочь, на дочь и на отца. Мнѣ наконецъ совѣстно стало, что я сижу въ креслѣ между 500 подобныхъ и подъ 5-ю ярусами ложъ, будто у себя въ одиночку, и я закрылъ глаза лорнетомъ; стало совѣстно, не надолго однако: скорѣе совѣститься долженъ тотъ, которому не понятно чувство, возбуждаемое этою драмою, кто можетъ смотрѣть на Асенкову, какъ на красавицу, забывая, что она дочь Велисарія. Не могу пересказать всѣхъ сценъ, меня поражавшихъ, но вотъ нѣкоторыя: Велисарія выводятъ за городъ, снимаютъ цѣпи съ него, говорятъ, что есть юноша, готовый быть его вожатаемъ; поодаль стоитъ мальчикъ, сердце его сильно бьется, онъ жметъ его руками, и то молится, то глядитъ на старца-слѣпца, а слезы градомъ по лицу. Велисарій начинаетъ спрашивать юношу (онъ могъ не узнать голоса, потому что долго былъ въ походахъ

и только вчера возвратился съ нихъ); юношѣ не хотѣлось бы раскрыть свою тайну, но чувство побѣждаетъ. . . Елена падаетъ къ ногамъ отца, цѣлуетъ полу его тоги, его сапдаію, изъ глубины сердца восклицаетъ: родитель! — Публика захопала — я зарыдала» ¹⁾).

И. И. всегда, до конца жизни, высоко цѣнилъ драматическое искусство, но именно искусство, а не вообще театр. Поэтому онъ не часто посѣщалъ театральныя представленія. Только когда появлялись такіе замѣчательные художники, какъ Рашель, Ристори, Олбриджъ, Росси, — онъ непременно по многу разъ слушалъ ихъ. И въ этомъ искусствѣ, какъ во всѣхъ другихъ, онъ цѣнилъ простоту и естественность выраженія несравненно выше, чѣмъ искусственную придуманность: признавалъ Рашель замѣчательною артисткой, но любилъ Ристори больше. Росси доставлялъ ему огромное наслажденіе и игрой своею, и выборомъ пьесъ, большею частью Шекспировскихъ, въ которыхъ было надъ чѣмъ подумать, во что углубиться душой, было гдѣ развернуться и таланту и чувству художника. Къ представленіямъ Росси онъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми «готовился», перечитывая драмы Шекспира, запоминавшая всѣ частности ихъ, чтобы лучше судить о томъ, какъ что будетъ исполнено.

Развивая въ своихъ дѣтяхъ любовь къ поэзіи и пониманіе ея, И. И. нерѣдко устраивалъ въ своемъ семейномъ кругу совмѣстное чтеніе драматическихъ произведеній по ролямъ, причемъ и самъ всегда бралъ на себя какую нибудь роль. Иногда вмѣсто чтенія устраивалось и сценическое исполненіе, или изображеніе отдѣльных сценъ въ живыхъ

¹⁾ Путевыя письма, стр. 33.

картинахъ. Въ этомъ принималъ участіе и А. Н. Майковъ съ своею семьей. Считками, репетиціями и приготовленіями большею частью руководили сами И. И. и А. Н. Они внушали молодымъ исполнителямъ необходимость вдумываться въ характеръ изображаемаго лица и на пониманіи его основывать свою игру. Это требованіе относилось и къ живымъ картинамъ, также какъ къ драматическимъ представленіямъ. Они обращали вниманіе не только на правильность, естественность и выразительность чтенія и игры, но и на мельчайшія подробности: на вѣрность костюмовъ и обстановки, на соотвѣтствіе грима; случалось, что для представленія А. Н. самъ гримировалъ исполнителей. Игрались такія пьесы, какъ «Каменный гость», сцены изъ «Бориса Годунова», «Лѣсъ» Островскаго, «Донъ Карлосъ» Шиллера, «Les femmes savantes» Мольера.

И. И. обладалъ въ высокой степени тѣмъ талантомъ, который такъ необходимъ для драматическаго художества — онъ превосходно читалъ, съ разнообразіемъ оттѣнковъ голоса и выразительности, съ простотой и естественностью, съ живымъ одушевленіемъ и съ глубокимъ чувствомъ. Этимъ дарованіемъ своимъ онъ больше всего дѣлился дома, въ своемъ семейномъ кругу, читая вмѣстѣ и перечитывая любимыхъ писателей.

Глубокое впечатлѣніе производила въ его чтеніи, между прочимъ, сцена изъ «Короля Лира», когда Лиръ приходитъ въ себя въ палаткѣ Корделіи и узнаетъ свою дочь; также страницы изъ «Войны и мира» — первое свиданіе Наташи съ раненымъ княземъ Андреемъ... А когда онъ читалъ отрывокъ изъ Полтавы «Тиха украинская ночь» и особенно строки:

«И вспомнил онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей —

казалось, что изъ всего, созданнаго поэтами, не можетъ быть ничего лучше.

Въ заключеніе этого очерка хотѣлось бы привести два стихотворенія, относящіяся къ самому Измаилу Ивановичу.

Въ числѣ его знакомыхъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни былъ С. А. Николаевскій, который удивительно хорошо говорилъ стихи — именно говорилъ, а не читалъ, такъ какъ всегда говорилъ на память. Красота его передачи заключалась не только въ тонкой выразительности, но и въ какой то особенной какъ бы — музыкѣ чтенія, всегда подходившей къ роду стихотворенія и ярче выражавшей его характеръ и настроеніе. И. И. любилъ его чтеніе, всегда просилъ его прочесть что нибудь и нерѣдко, слушая его, бывалъ тронутъ до слезъ. Особенно трогалъ его «Царскосельскій лебедь» Жуковского. Николаевскій не былъ самъ поэтомъ-писателемъ, но у него была способность къ экспромтамъ, которые часто выходили очень удачными. Въ разговорѣ съ нимъ И. И. какъ то высказалъ, вѣроятно, что ему самому стихи не удавались, особенно не давалась рима. Въ отвѣтъ на это Николаевскій сказалъ экспромтъ, который послѣ записалъ:

Сказали вы, вамъ рима не далась, —
Повѣрьте мнѣ, что рима даръ напрасный:
И безъ нея вся ваша жизнь слылась
Въ строй гимна полный, звучный и прекрасный,
Съ гармоніей души всегда согласный,

И свѣтомъ счастья ярко облилась,

Какъ блескомъ солнца лѣтній вечеръ ясный.

Другой экспромтъ сказанъ былъ Николаевскимъ
Измаилу Ивановичу въ день его именинъ 17 іюня 1873 г.
И. И. рассказывать собравшимся у него друзьямъ о томъ,
что отецъ его непремѣнно хотѣлъ назвать его Измаиломъ,
несмотря на то, что родные были противъ этого необычнаго
имени. Ивана Евсѣевича привлекало значеніе имени
Измаилъ — «устроить Богъ». Въ отвѣтъ на этотъ рассказъ
Николаевскій сказалъ:

Въ пору великаго двѣнадцатаго года,

Когда Россія знать себя дала врагамъ,

Родился гражданинъ средь русскаго народа

Отчизнѣ въ честь и на отраду намъ.

И, торжествуя праздникъ Измаила,

Мы за него не вѣдаемъ тревогъ,

И вѣримъ, что его не оскудѣетъ долго сила

И что во всемъ его устроить Богъ.

О. Срезневская.